

18+

Алик Серебров

ДВЕ ЛИИ И ИАКОВ

Книга 2

Алик Серебров

Две Лии и Иаков. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69247042

ISBN 9785006003460

Аннотация

Более трех тысячелетий разделяют сознания Адат и Тарбит, сосуществующие в разуме Лии. Героиню истории, описанной в Торе и Библии, обвиняют в колдовстве. В Месопотамии, где уже более трех тысяч лет процветают государства со своими законами, где бушуют междоусобные войны, девушке нелегко отстаивать свои права. Только знание законов, умение использовать принципы психологии, наблюдательность, способность к анализу поведения противников и решительные действия позволят Лие двигаться к своей цели.

Содержание

«Две Лии и Иаков»	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	53
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Две Лии и Иаков

Книга 2

Алик Серебров

© Алик Серебров, 2024

ISBN 978-5-0060-0346-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-9631-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Две Лии и Иаков»

Книга 2

*С врагом можно бороться двумя способами:
во-первых, законами, во-вторых, силой.
Никколо Макиавелли. «Государь».*

*Но если нужно, как булатный меч,
Язык мой может жизнь врага пресечь.
Саади, персидский поэт.*

Часть 1

Глава 1

«Вот и вся моя история. Ты, Гиваргис, знаешь меня давно, и можешь сравнить робкую нерешительную Лию и меня настоящую. Должна тебе сказать, это твои советы помогли мне неузнаваемо преобразиться, за что я безмерно благодарна. А твое любопытство теперь удовлетворено, Чензира?» – вся тройка устроилась у костра. Ночь уже уступала место новому дню, утренние сумерки накрыли все пространство. Небольшое пятно света не могло осветить собеседников, и темнота скрывала выражения лиц и мимику слушателей. Лия устроилась так, чтобы листочки очанки на глазах, прижатые влажной тряпицей, не свалились. Мужчины, несколько приуставшие после непривычной работы, помалкивали.

Совсем недавно им было не до разговоров. При слабеющем свете луны и неверных отблесках костра двое мужчин, пытаясь не показывать слабость, разделявали ягненка. Задача осложнялась просьбой Лии не слишком испортить и сохранить шкуру. Делу помогали опыт и сноровка Гиваргиса, и уже достаточно окрепшие руки Чензиры. Он то стоял, опершись на посох, и то помогал одной рукой, то, удерживаясь на здоровой ноге и стараясь не потерять равновесие,

орудовал обоими. Им никак не хотелось показать слабость перед Лией, совсем недавно продемонстрировавшей чудеса общения с богами. Сейчас совсем обычная, простая в обращении девушка превратилась в признанного вожака их маленькой команды.

Смутно разглядев происходящее, Тарбит подумала: «Две головы, три ноги и три руки... Хорошее начало для загадки, только нет сил придумывать. Вот отсижусь в сторонке, напряжение уйдет, может и получится».

Пока напарники были заняты своими делами, Лия, управляемая волей Адат, наведальась в хижину, благо лунный свет еще позволял навести там хоть относительный порядок. Больше всего ее беспокоили последыши, которых более сильные братья оттесняли от материнских сосков. Ворчливо приговаривая и не обращая внимания на ласковые толчки Гилы, устроила светлых с черными мордочками малышей на лучших местах и убедилась, что те жадно присосались к кормилице. Поправила потрепанные циновки, поласкала собаку, и уже было собиралась выходить, но вдруг потянуло назад. Присела, прижалась к большой собачьей голове и вдруг почувствовала, что по щекам потекли слезы, а во рту появился солоноватый вкус.

– Тарбит, это ты плачешь или я? Наверное я, богини не плачут.

– Я плачу, подруга, Нервы не выдержали. Побудь здесь, не выходи, пока не упокоюсь. Мужчинам совсем ни к чему

видеть наши слезы. Еще не хватало, чтобы они бросились утешать Лию. И успокой собаку, всю уже облизала. Чувствуешь, животина, что не только щенкам требуется ее ласка.

– Открою тебе секрет, мы обе сейчас расслабились. И обе дали волю слабости. Интересно, ты каким глазом сейчас плачешь, правым или левым?

– Адат, милая, ты научилась шутить? Я рада за нас, слезы высохли, улыбка появилась. Теперь выбираться из неприятностей и плакать будут наши враги, а мы радоваться жизни и добиваться своего. Надеюсь, ты уже забыла об этих глупостях с домами утех и корчмарьями?

– Это не глупости, к сожалению. И радоваться рано. Со дня на день нас ожидает испытание богини, но после того, чему я была свидетельницей и невольной участницей, оно мне уже не кажется непреодолимым.

– Не горюй, подруга. Воспринимай предстоящее приключение не как очередной экзамен, а как задачу по добыванию денег. Недаром говорят: «предупрежден – значит вооружен». Все тогда будет смотреться иначе. Успокой собаку, и пора уходить. Как бы кавалеры не заволновались.

Лия-Адат выбралась на воздух, практически наощупь добралась до своего места у костра. Устроившись поудобнее и приладив на глаза лечебный компресс, нельзя забывать о себе, любимой, затихла, ожидая новых друзей.

«Адат, о чем же им можно рассказывать? Без объяснений не обойдется. Совсем не обязательно плести всякую

околесицу, можно просто о некоторых деталях умолчать. – Тарбит перебирала в уме события последних дней. – Они помешаны на богах, причем каждый на своих. Даже простая клятва с упоминанием имени божества может служить доказательством невиновности и при этом никакие доводы против во внимание не берутся. Значит, все непонятные моменты, списываем на них, почитаемых и всесильных. Их много, они сильные, выдержат. Ты слишком не вздыхай. Я все беру на себя, мне, посланнице бога, разрешено. Забирайся в извилину, я подежурю. А сейчас не забываем о себе, отдыхаем».

Лия-Тарбит очнулась от забытья, почувствовав тепло плаща, которым ее неловко укутывала грубая, но заботливая рука.

– Спасибо, Гиваргис, я долго спала? – спросила Тарбит, которая сейчас была ведущей в их тандеме, – хорошо-то как! Как будто я маленькая девочка, а мама пришла проверить, все ли у меня в порядке.

– Спи, девочка. Еще есть время до рассвета, – из темноты послышалось смущенное бормотание, – никак не могу привыкнуть к тому, что ты уже выросла, и тебя заметили боги. Надеюсь, простишь старому знакомому его фамильярность. Отдыхай, а мы рядом с тобой посидим у огонька.

– Не говори так, Гиваргис. Не хватало еще, чтобы ты обращался ко мне, как к посторонней. Спасибо, еще раз. Сразу стало уютнее, спокойнее как-то. Будем отдыхать, а я вам

расскажу, что со мной произошло за эти дни.

Все это было не так давно, но сейчас никто не хотел начинать разговор. Слишком много было неясного и загадочного, слишком много вопросов.

– Я поделилась с вами прошлым, – продолжила Лия, – но сейчас мне может предстоять новое испытание, вы ведь знаете о происшествии по дороге сюда.

Я рассчитывала провести здесь, в нашем убежище, некоторое время, чтобы Чензира немного подлечил ногу, а Гилад окрепла. Для того и взяла с собой много еды, да и жертвенный козленок помог бы нам продержаться некоторое время. Но, к большому сожалению, обстоятельства могут сложиться иначе.

Гиваргис, скорее всего, некоторое время я не смогу заботиться о наших друзьях. Можно было бы, конечно, обратиться к отцу, но мне ужасно не хочется делать друзей по несчастью зависимыми от прихотей человека, которого я часто видела властным и грубым. Может быть у тебя есть на примете место, куда мы бы могли переправить Чензиру с собакой, чтобы быть спокойными за них? Я не сомневаюсь в твоей готовности помочь, но даже не представляю, сможешь ли ты сделать это.

Стыдно признаться, но я совершенно не знаю, где и как ты живешь. Приходя к колодцу, замерев от интереса и восхищения, я слушала твои рассказы о подвигах и путешествиях. Не будь их, вряд ли девушка-тихоня, осмелилась бы высту-

пить против правил. Но сейчас есть что есть, и положение достаточно сложное. Безвыходных ситуаций не бывает, сам учил – «надежда умирает последней», а мы собираемся жить долго и счастливо. Нам нужно знать все возможности, чтобы принять верное решение. Сможешь помочь?

– Даже сейчас, Лия, я не знаю, как же следует к тебе правильно обращаться, – Гиваргис поправил в очаге кусок жарившейся баранины, – после того, что ты продемонстрировала сегодня, мои похождения выглядят мальчишескими забавами. Но сейчас не об этом. Должен тебе сказать, что я считаю достаточно обеспеченным человеком, хотя мое богатство, если то, чем я владею можно так называть, доставляет мне больше забот, чем радости. Это как большой мешок без веревки – нести неудобно, а бросить жалко. Все мое богатство связано с покалеченной рукой.

Я тогда служил в пехоте митаннийцев. Мы двигались на юг и однажды сошлись в кровавом бою с вавилонянами. Сначала мы дрались всем нашим отрядом против пехоты и колесниц южан. Их колесницы, громоздкие и неповоротливые, представляли собой большие телеги со стенками из сплетенных прутьев, обтянутых кожей. Они были запряжены ослами, бока которых тоже были прикрыты кусками кожи. На телегах, защищенные со всех сторон, стояли лучники и осыпали нас стрелами так обильно, что мы даже не помышляли о наступлении и были вынуждены защищаться. Все сгрудились в тесную группу и прикрылись щитами,

ожидая прекращения обстрела.

Он и закончился, но не потому, что у врага иссякли стрелы. На нас двинулась пехота вавилонян, и лучники боялись попасть в своих. Когда мы сошлись, началась жестокая рубка. Скоро бой разбился на отдельные схватки, и тут во фланг вражескому отряду вырвались колесницы митаннийцев. Запряженные конями, они носились по полю боя, а лучники с близкого расстояния без промаха поражали врагов. Перевес сразу перешел на нашу сторону, мы воодушевились и тоже пошли в атаку.

Одна из колесниц проносилась рядом с местом, где я с товарищами сошелся против группы бородатых крепких вавилонян. Лучник на колеснице всадил стрелу в одного, но колесо его колесницы застряло между камней, и вражеские пехотинцы рванулись к легкой добыче. На свою беду, или, возможно, такова была воля богов, так или иначе я оказался на их пути.

Отступать и уворачиваться от схватки с двумя бойцами не было возможности, я приготовился подороже продать жизнь и дать возможность колеснице уйти из-под удара. От первого же прикосновения тяжелого меча мой щит, уже потрепанный в схватке, развалился, но я умудрился вогнать короткое копьё прямо в брюхо нападавшего. Второй противник не стал дожидаться, пока я развернусь к нему, и нанес удар, след от которого виден на моем лице. Слава богам, он не задел глаз, но кровь хлынула потоком. Когда я попытался

защититься левой рукой с остатками щита, он новым ударом сделал меня одноруким. И все же эта обтянутая лохмотьями кожи разбитая плетеная корзинка, которая раньше называлась щитом, отвела удар в сторону, и к моему счастью, нога отделалась легкой царапиной.

За это мгновение колесница сумела освободиться от каменного захвата и, выпустив стрелу в моего соперника, кавалерист помчался прочь, крикнув в мою сторону: «Тебя обязательно найдут, солдат». В шуме боя я едва слышал и понимал его. Покачавшись на месте, я упал без сознания и провалялся в компании с двумя поверженными врагами до вечера, пока меня не подобрала уцелевшие бойцы, собиравшие трофеи и раненых. Иногда я думаю, что все случившееся тогда произошло не случайно, что великая Иштар, отняла у меня руку, но сохранила жизнь и позволила проявить себя перед вельможей на колеснице для чего-то только ей ведомого.

Как ни странно, но всадник все-таки нашел меня в команде выздоравливающих. Я готовился к уходу из армии и раздумывал, как прожить на мизерную пенсию и возле какого храма просить милостыню.

Сам я не встречался со знатным господином, никем другим он и не мог быть. К управлению колесницами никогда не допускаются простолюдины, только приближенные к царскому двору могут заниматься разведанием, тренировкой и использованием лошадей.

Слуги этого воина нашли меня, наградили малой толи-

кой денег и сообщили, что мое имя внесено в список тех, кто за верную службу царю получит земельный надел в вечное владение. Я не имею права продать этот участок или подарить кому-либо, лишь передать по наследству. Зато могу использовать его по своему усмотрению – растить зерно, чем занимаются здесь все крестьяне, разбить огород и выращивать на нем овощи, посадить сад, устраивать пастбище – все, используемое в крестьянском хозяйстве и приносящее доход, главное, чтобы платил причитающиеся за имущество деньги. Но земля на участке истощена и не дает урожая, средств, чтобы затеять нечто, что могло бы обеспечить существование, у меня нет. Кусок земли, отмеренный мне, это никому не нужный выгон, через часть которого к тому же проходит высохшее русло реки. Несмотря на его никчемность, он все же числится на табличках царских служащих, как земля, за владение которой нужно взимать налог. Платить его я не в силах, но нанять рабочих или самому работать на нем не могу.

У меня были мысли бросить все и уйти в город, тогда через год отсутствия хозяина земля вновь перешла бы в собственность государства. Удерживает от этого решения лишь чувство благодарности к неизвестному вельможе, чьими стараниями я оказался землевладельцем, и страх оказаться нищим попрошайкой на ступенях храма. Пока удастся держаться.

Одна часть участка используется как выпас. Я сдал его об-

щине за сумму, покрывающую плату, которую я должен платить в казну. Она невелика, так как налог уменьшен из—за моей инвалидности и непригодности участка к полноценному использованию. Кроме того, руководители общины дали мне работу, присматривать за колодцем. Если прибавить к этому пенсию за ранение, то я могу считать себя обеспеченным человеком.

Больше всего меня радует та лачуга, что осталась после разорившегося предыдущего хозяина участка. В ней есть очаг, кое—какая мебель. Сами понимаете, там жила небольшая семья, которая арендовала у государства этот участок. За недоимки крестьянин был вынужден покинуть его и устраиваться в городе. Его судьба мне неведома, да я, признаться, и не очень ею интересовался. Я буду только рад, если кто-нибудь согласится разделить со мной тоскливое одиночество. Мы все сможем прекрасно устроиться.

— Гиваргис, я знала, что ты мужественный и не поддающийся невзгодам человек, — Лия с Чензира затаив дыхание слушали повествование бойца, — но даже не догадывалась, что судьба свела меня с героем, чьему отважному и доброму сердцу можно позавидовать. Нужно завтра же, точнее уже сегодня, забрать отсюда наших друзей. Сможешь ли ты достать осла или верблюда, чтобы перевезти Чензира и щенков Гилы, сами они точно не доберутся.

— Я попробую договориться с одним из караванщиков, чтобы он помог мне. Но, сама понимаешь, это зависит от са-

мих купцов, может статься, что подобная услуга нарушит их планы. Конечно, мы хорошо знакомы, но...

– Если ты не найдешь способа забрать их, – Лия, подумав немного, продолжила, – обратись за помощью к Адине, моей матери. Попроси ее, чтобы она отправила сюда Зилпу, ту девчонку, что вчера сопровождала меня, и ослика. Будет лучше, если отец не узнает о твоём визите. Днем он обычно работает на участке, так что дома будет только Адина со служанками. Уже совсем светает, Гиваргис. Скоро придется отправляться к колодцу, а ты ведь совсем не спал. Извини, что пришлось лишить тебя отдыха.

– Все в порядке, Лия. С твоего разрешения, я прихвачу что-нибудь на завтрак и отправлюсь искать способ побыстрее переехать отсюда.

Светало. Гиваргис отправился к колодцу, надеясь на успех в переговорах с караванщиками. Очертания предметов проступали все четче, звуки просыпающей жизни все яснее доносились из-за стен загона. Лия и Чензира, оставшись вдвоем, молчали. Усталость прошедшей ночи отбивала всякую охоту двигаться и разговаривать.

Первой прервала молчание Лия, со вздохом поднимаясь на ноги. Молодому мужчине невольно пришлось впервые наблюдать выполнение комплекса упражнений утренней гимнастики. Наклоны, растяжки, резкие движения своей новизной заставляли Чензиру широко открытыми глазами наблюдать за невиданным ранее танцем. Если же учесть, что это

бесперывное движение выполнялось в разорванном платье, и обнаженные ноги без каких-либо предубеждений демонстрировали свою стройность и красоту, то можно было понять ошарашенное состояние молодого человека.

– Чензира, доброе утро, – не прекращая своего феерического танца приветствовала товарища девушка, – что застыл в как статуя? Нравится?

– Это ты так здороваешься с богами? Продолжается ваш вчерашний разговор? – Сглотнув слюну, Чензира вопросительно смотрел на ритмическидвигающуюся фигуру, – Ночью ты общалась с богом луны, а сейчас обращаешься к богу солнца? Неужели, они слышат тебя?

– Ты забыл поздороваться. Так получилось, что за последние дни мы не смогли выбрать время, поговорить и хоть как-то узнать друг друга. Впрочем, мой ночной рассказ о себе, да и повествование Гиваргиса должны были дать тебе какое-то представление о нас. Теперь только ты с Гилой остаетесь загадкой. Как жили до нашей встречи, откуда появились – неизвестность.

– Для меня самая большая загадка – это ты. Моя история не так уж коротка, как может показаться по моему виду. Так что, излагать ее перед обольстительнодвигающейся передо мной девушкой, беседующей с богами, я поостерегусь, пожалуй. Подождем более подходящего момента.

– Все верно, все правильно, – запыхавшаяся Лия, подчиняющаяся сейчас воле Тарбит, присела возле египтянина, –

сейчас займемся твоей раной. Но сначала попробуем одну придумку. Первым делом обеспечим себя горячей водой. Для этого нам нужны котелок и вода. Тебе не очень мешает моя болтовня, чужестранец? Ну что ты уставился на мои колени? Красивые? Знаю, что красивые. Такое впечатление, что ты совсем одичал за эту пару дней.

Так, болтая ни о чем, Лия устроила у очага кружку с водой и начала разбинтовывать раненую ногу. От ночных нагрузок, все-таки большую часть ночи Чензира провел на ногах, рана воспалилась и выглядела весьма непривлекательно. Новоявленная санитарка задумчиво смотрела на нее, вспоминая, что еще можно предпринять. Приняв решение, первым делом очистила ногу от остатков подорожника, запекшейся крови и грязи. Приказала больному не дотрагиваться до раны («лучшие лекари – чистота и свежий воздух») и занялась непонятными приготовлениями.

– Где-то должен быть кувшин, с которым я в первый день появления здесь ходила к Гиваргису. Справа? Точно, вижу. Сейчас начнем химичить. Что такое химичить? Ну—у, в данном случае... Претворение в жизнь указаний богини Гулы, слышал о такой? Богиня лекарского искусства. Так вот, химичить – это выполнять ее указания по твоему излечению.

Лия-Тарбит отодвинула от очага кружку с уже горячей водой и начала «химичить» с костром. По окружности костерища расположились крупные уголья и несгоревшие куски

дров. Часть очищенной древесной золы ссыпала в кувшин, залила ее кипятком из кружки и добавила холодную воду до верху.

– Адат, не заскучала? Не хочешь размяться немного, – Тарбит решила, что обычная рутинная работа обойдется без нее, – мясо у нас есть, спасибо ягненку и Гиваргису, нужно сварить ячменную кашу и собрать свежие листочки шалфея, подорожника и очанки. Заберешь на себя управление?

– С удовольствием, надоело скрываться без дела и ощущать, что тобой двигают, как куклой. Гимнастика была поразительной, никогда не думала, что способна на такое. Ты-то, чем собираешься заняться?

– Посижу в знакомой извилине, прикину, как проходить испытание.

Лия осмотрелась и заметила настороженный взгляд египтянина.

– Ты что застыла, – Чензира подозрительно смотрел на девушку, – как будто прислушивалась к кому-то. Ты в порядке? Может помощь нужна?

– Просто задумалась, что делать в первую очередь. А кто помогать собрался? Ги́ла? – пошутила Лия-Адат, – хотя твоя помощь будет не лишней, пожалуйста. Налаживай костер, будем варить ячменную кашу. Ты кашу варить умеешь? На три части воды одна часть крупы, помнишь?

– Не волнуйся, этим тоже приходилось заниматься. Справлюсь, попробуешь – не пожалеешь. Возьмешь в слуги,

назначишь поваром.

Лия одобрительно улыбнулась, кивнула, установила кувшин с мутной от золы водой на солнце и вышла из загона. Сбор растений не затянулся, и девушка вернулась, когда завтрак еще не успел остыть.

«Адат, можно я с ним поговорю? Нужно умыться, я уже не могу находиться в этом платье. Обещаю, как только приведем себя в порядок, вернусь на место», – прозвучало в мозгу девушки.

– Чензира, с едой придется подождать. Не возражаешь? Скажи, ты как относишься к женщинам? – Лия-Тарбит одобрительно посмотрела на готовый завтрак, – а здесь у нас что? Не может быть! Изумительная приправа.

– На какой вопрос отвечать? – Чензира улыбнулся, – Не отношусь, печеные тыква и чеснок, заправленные маслом, солью и перцем.

– А к кому не относишься? – не поняла Лия, пробуя приправу.

– К женщинам не отношусь, а это снадобье неплохо бы оставить к мясу.

– Чензи—ира. Я поражена твоим чувством юмора, – девушка даже засмеялась, – но я рада, что наконец-то будет с кем словом переброситься. А проблема вот в чем – мне нужно помыться и тебе придется помочь мне. Твоя задача – служить поливальщиком и снабжать меня чистой водой. Если ты стесняешься смотреть на обнаженную женщину, я мо-

гу завязать тебе глаза.

– Не стоит, я вполне сознаю, что ты предназначена не для меня. Можешь быть спокойна, тебе ничто не грозит. Ни дело, ни слово.

Лия повесила на сучок, торчащий из стены полный бурдюк с водой. Проверила, что, наклоняя его, можно выливать содержимое тонкой струйкой, и с этой конструкцией Чензира легко справиться. Кивнула одобритительно и начала раздеваться. Намочила волосы и присыпала их золой. Массирующими движениями рук промыла великолепные кудри, а Чензира, с недоумением наблюдавший за незнакомой процедурой, помог ей прополоскать голову. Вытирать голову было нечем и, собрав волосы в пучок, Лия продолжила удивлять своего помощника. Проверив воду в кувшине и убедившись, что ощущается ее «мыльность», обмыла тело, не забыв отметить про себя и высокую крепкую грудь, и плоский живот, и стройный стан с широкими бедрами. *«Адат, ну что еще этим мужчинам нужно? Или ты специально все прятала от них?»* – обратилась Тарбит к подруге, даже не рассчитывая на ее ответ. Тонкая струя медленно смывала грязь с тела, и Лия с наслаждением ощущала, как вместе с ней уходит усталость и напряжение последних дней. Последней черточкой преобразования стало облачение в чистую одежду. Приведя себя в порядок, Лия наконец-то взглянула на помощника и с истинно женским удовлетворением наблюдала его покрасневшую физиономию и напряженную позу. Девушка лу-

каво улыбнулась и шутливо погрозила пальцем: «Даже не думай!». Распустила и вспушила мокрые волосы под ласковым солнцем и легким ветерком.

«Как тебе процедуры, Адат? В этих условиях, я думаю, мы сделали все, что могли. Ухожу в любимую извилину, спасибо, подруга» – Тарбит умолкла.

Девушка подошла к замеревшему напарнику:

– Спасибо за помощь, Чензира. Смотри, вода вытекает из бурдюка, оставь его, – Лия-Адат остановила помощника и помогла ему добраться до очага, – давай теперь займемся твоей ногой, хватит ей проветриваться.

– Я думаю, что мне стоит подобно Гиваргису почтительно спросить у беседующей с богами: как же обращаться к тебе? – Чензира все еще прятал глаза, – после всего увиденного я не уверен, что смогу смотреть на тебя, как на обычную девушку. Я могу быть лишь твоим слугой, госпожа.

– Поздно, Чензира, – разговаривая, Лия продолжала обмывать ногу раненного мыльным раствором, смывая остатки грязи, – поздно. Мы уже условились о дружбе. Подружкой зваться я не хочу, я достаточно уверена в себе, чтобы не отзываться на оклик – «Эй ты...», госпожой тебе я не являюсь, так что придется ограничиться именем. Или тебя это не устраивает?

– Что ты, Лия, что ты, – заторопился устраивающийся поудобнее больной, – твое позволение великая честь для меня. Но если я буду иногда употреблять выражение «молодая хо-

зьяка», ты не очень рассердишься?

– Не очень. Дай—ка я нанесу на кожу вокруг раны мазь. Помнишь заячий жир, что я отложила до лучших времен. Вот они, лучшие, и пришли, когда свежий шалфей появился. Ничего сложного. Главное, чтобы комочков поменьше было. Мне подруга рассказывала, как лечебное снадобье из них приготовить. Вот и пригодилось. Теперь традиционный уже знакомый подорожник и бинты. Сейчас позавтракаем и отдыхать.

Ячменная каша была разложена по мискам, а лепешки служили импровизированными ложками. Каша в миске Чензиры была обильно сдобрена маслом, а мясо ягненка оригинальной тыквенной приправой и фенхелем. Молодые люди в полном молчании жадно поглощали нехитрое кушанье, и тщательно собрав остатки еды, с сожалением о никчемности рациона отложили посуду.

– Что есть, то есть, Чензира, – Лиля поднялась и начала прибираться, – спасибо богам, что дали нам этот завтрак. Уверяю тебя, у Гиваргиса завтрак получился менее аппетитным. Если у тебя остались ягоды, то вдобавок к финикам у нас на закуску будет напиток. Есть? Вот и прекрасно. Сейчас позаботимся о Гиле, благо жертва богам была богатой, и ты, если будет желание, сможешь поведать о себе. Уверяю тебя, что ни в коей мере не пытаюсь проникнуть в твои тайны, если они существуют. Ты волен в своем праве говорить или молчать о них. Ги́ла! Выходи, собака, или запах чесно-

ка совершенно отбил у тебя желание поесть. Не волнуйся, в твоей доле никаких специй нет. Все совершенно натуральное. Не смотри удивленно, Чензира, такими словами со мной боги разговаривают, а я употребляю только в разговоре с ними и, иногда, с хорошо знакомыми людьми.

– Все в порядке, Лия. Я начинаю привыкать к твоим странностям и понимать их. Что касается моих тайн... Собственно, моя жизнь хоть и необычна, но лишена чего-то таинственного, что нужно было бы утаивать. Я даже рад, что у тебя наконец нашлось время выслушать меня. Чувствовал себя несколько неловко, когда ты ухаживала за больным и немощным, даже не зная, достоин ли он таких забот. Мне однажды показалось даже, что я ощущаю теплоту женского тела. Впрочем, это было в бреду и мне, конечно, все это привиделось. Что касается моей истории...

Да будет тебе известно, – продолжал удобно устроившийся на продуваемом легким ветерком тенистом месте Чензира, – само имя мое означает в переводе с египетского – «путешественник». Видно, мне от рождения суждено прожить необычную и интересную, полную приключений жизнь.

Отцом моим был пехотинец из войска фараона, но не простой солдат, а командир пятерки. Однажды он заметил девушку, дочь ремесленника, работавшего в мастерской в ремесленном квартале столицы Мен—Нефер, что в низовьях Нила. У вас в Междуречье его называют Ме—им—пи. История их встречи и любви осталась для меня неизвестной,

так как я в возрасте двух лет стал сиротой и смутно помню лишь сильные руки, подбрасывающие меня вверх.

Несмотря на низкое происхождение, Салма, так звали мою мать, была служанкой в доме вельможи, приближенного к фараону. Когда я думаю о прошлом, я понимаю, что только ее красота и спокойный нрав могли стать причиной того, что она была допущена к самой хозяйке Шепсит, чье слово являлось законом не только для многочисленных слуг и рабов, но и для всех управляющих, писцов и всех служащих высокого ранга.

Шепсит прекрасно знала все особенности и пристрастия своего мужа, и заподозрила, что тот изменяет ей с моей матерью. Нельзя сказать, что ее сильно волновали шашни мужа с рабынями, больше всего ее беспокоила вероятность появления на свет незаконнорожденного сына от свободной женщины. Именно такой статус имела моя мать в качестве жены, а потом вдовы младшего командира войска фараона. У вельможи уже были две дочери, и он страстно желал сына наследника. Хозяйка сама хотела того же и стремилась как можно чаще бывать на супружеском ложе, ведь, кроме опасений появления претендента на наследование, ее терзали муки ревности. Соответственно и отношения, складывающиеся в покоях господ, никак нельзя было назвать спокойными и ровными.

В конце концов настойчивость и хитрости жены победили увлечение хозяина, и он уже был готов выгнать мать с ма-

лолетним сыном на улицу, но Шепсит затеяла дьявольскую шутку, желая наказать не только ни в чем не повинных вдову с сиротой, но и непокорного, немолодого уже писца, не желающего потакать ее прихотям и докладывающего о них вельможе. За эти прегрешения Мети, когда-то бывший доверенным секретарем хозяина, стараниями злопамятной хозяйки дома был отправлен управляющим в крестьянское поместье, где и прозябал, не имея возможности покинуть его. Он не был рабом, но условия его службы обуславливались различными запретами и ограничениями. Чем именно были вызваны подобные строгости мне неизвестно, но они существовали и сделали из «затворника поневоле» мрачного, вечно чем-то недовольного субъекта.

У матери оставались два выбора: оказаться на улице без средств к существованию с нелестной, насквозь лживой сплетней от хозяйки дома за плечами, или выйти замуж за неизвестного человека и навсегда покинуть знакомые места. Отягощенная маленьким ребенком, она выбрала второе, и мы оказались в небольшом поместье, расположенном недалеко от столицы.

Лия, ты еще не заснула, выслушивая многословные воспоминания подопечного, вынужденного последнее время общаться только с собакой? Давай искать тень, здесь становится жарко. Если ты поднимешь и закрепшишь шкуры, служащие дверью в хижину, мы сможем устроиться прямо у входа. Дыра, что зияет в потолке на противоположном краю кры-

ши, обеспечит сквознячок, а Гила, надеюсь, возражать не будет.

Лия-Адат подбросила сучьев в костер, подала Чензиру кружку с напитком и позаботилась о компрессе для себя. Уже после этого подготовила новое место для отдыха, и молодые люди устроились продолжать беседу.

– Хочешь слушать дальше, или оставим на следующий раз? Я разговорился и боюсь утомить тебя своим рассказом.

– Как бы он ни был долог, – Лия устраивалась поудобнее, прилаживая на глаза свежий целебный компресс, – предпочитаю выслушать его сейчас. Неизвестно, как сложатся обстоятельства уже через несколько часов, не говоря о ближайших днях. Если не устал, продолжай.

И уже мысленно: *«Тарбит, ты не хочешь взять на себя общение? Наш подопечный меня несколько утомил. Я послушаю в сторонке»*. Ответ Тарбит последовал незамедлительно: *«С превеликим удовольствием. Так и тянет вмешаться в разговор и ляпнуть что-нибудь не к месту»*.

– Слушаюсь и повинуюсь. Первое время Мети не обращал на нас внимания, но спокойный нрав и миловидность Салмы взяли верх над его предубеждением, и ее визит в одну из ночей не был отвергнут. Сейчас я понимаю, что мужские желания отчима всячески распалились матерью, и она точно угадала момент, когда ее появление будет принято благосклонно.

– Жаль, что ты был тогда мал, – перебила Лия-Тарбит, –

мне было бы интересно и поучительно услышать подробности. Но хорошо уже то, что теперь мне известно о возможности подобной ситуации и принятом решении.

– С этого момента наша жизнь в поместье изменилась, и я начал ощущать, что мое присутствие рядом со взрослыми нежелательно. Особенно это обострилось, когда мать понесла от Мети.

К тому времени я уже достаточно вырос, чтобы меня отдали в школу писцов при храме Птаха. Там учились дети офицеров и придворных служащих. Только то, что я был сыном погибшего командира и хорошее знакомство отчима с одним из наставников, позволило мне стать учеником этой престижной школы. Выпускники ее становились офицерами в армии фараона или государственными служащими при дворе. Мне ни того ни другого не полагалось по происхождению, добиться подобного можно было только прилежанием и отличными успехами в учебе. Насмотревшись на судьбу матери и зная к тому времени нравы дворца, я решил особо не высовываться и на экзаменах демонстрировал результаты, едва позволяющие не быть отчисленным из школы.

Во время каникул, когда я приходил в поместье, меня хоть и встречали радушно, но старались пристроить к ближайшему каравану, отправляемому с товаром в город. Он мог везти все, что производилось в хозяйстве: от папируса и тканей до зерна и фиников. Я не возражал против таких путешествий, а находил в них новых знакомых и впитывал новые

знания.

Окончив школу и особо не блистая отметками, я избежал участи быть офицером или отправиться в отдаленные области в распоряжение представителя двора. Наставник Барути, знакомый моего отчима, прекрасно знал о моих возможностях, но благоразумно не стал распространяться о них и оказывать мне протекцию, а написал письмо, в котором весьма лестно отзывался о моих способностях. Я вернулся домой, где меня радушно встретили родители. Под влиянием матери характер Мети смягчился, а два моих подрастающих брата и красавица сестричка совсем преобразили его.

Я попросил отчима порекомендовать меня купцу, ведущему торговлю за пределами Египта, и эта просьба была встречена благосклонно. Так я оказался писцом в караване купца Мшей, что, как и мое имя означает «путешественник». Обойдя Верхний и Нижний Египет, побывав в Нубии и Ливии, пройдя с юга на север через все царства Ханаана и добравшись до Сирии, я понял, что однообразная работа и кочевая жизнь среди купцов, погонщиков, товаров, верблюдов и ослов мне изрядно надоела.

За годы странствий мне удалось изучить систему письма и счета, принятого в царствах Междуречья. Я овладел ими на уровне школьника, ну, может быть слабого писаря. Узнав, что после падения Вавилонского царства Хаммурапи много ученых перебрались в Харран, решил направиться туда. Меня всегда влекли новые знания, да и сейчас я не потерял ин-

интереса к ним.

Мшей, который к тому времени превратился для меня из богатого купца—караванщика в доброго друга, с сожалением расстался со мной, но не стал долго уговаривать. Он снабдил меня глиняными табличками с рекомендациями к управляющему хозяйством представителя царя в Харране и знакомому богатому купцу, который там осел и уже не ходил с караванами. Это, кстати, именно те таблички, которыми ты прикрываешь кружку и миску, когда настаиваешь свои настойки. Не волнуйся, они целы, и это главное.

Через несколько дней, повстречав караван, направлявшийся вдоль Евфрата к броду через реку, он договорился со знакомым купцом, и снабженный верховым ослом и припасами, я присоединился к нему. Купцу, а его звали Шушу, что значит «хвостун», советовали переправляться через реку северней, продвигаясь по охраняемому главному тракту. Но, желая выиграть пару дней, он направился к месту переправы у впадения в Евфрат притока и там угодил в руки речных разбойников.

Караван вместе с моей ослицей стал их легкой добычей, а мне удалось отсидеться в камышах и спасти мешок с самым ценным. Там я пробыл до ночи и, убедившись, что бандиты удалились на безопасное расстояние, перебрался через Евфрат и направился вдоль русла Белих, так называется приток, к Харрану. Мне пришлось в темноте пробираться через пойму вверх по течению, и я совершенно промок и вы-

валялся в грязи. Утром разделся и постарался высушить вещи, но окончательно сделать этого не удалось, только простыл еще больше.

Два дня я пробирался вдоль реки в направлении города и уже надеялся на окончание своего приключения, но наткнулся на кабаниху с поросятами. Уже больной после вынужденного купания, я бросился в сторону от реки, но не сумел увернуться от удара разъяренной мамыши. Бежал без оглядки, куда глаза глядят, пока были силы. Упал без чувств, а, когда пришел в себя, день клонился к вечеру. Шел, не разбирая дороги, пробирался через бесконечные поля и уже в темноте набрел на этот загон. Увидев шатер, я, не обращая внимания на посторонние звуки, пробрался в дальний угол и там потерял сознание. Дальнейшее тебе, вероятно, известно лучше, чем мне, проведенному последнее время в полной неизвестности.

– Да-а-а. Все интереснее и загадочнее. Никак не подозревала, что судьба сведет меня, неграмотную крестьянку, с таким образованным человеком, – задумчиво протянула Лия. – Одно наличие писем к таким уважаемым людям ставят тебя выше всех моих знакомых. И твое удивление моему положению и моим действиям тоже мне непонятно.

– Как бы не было удивительно все то, что здесь происходит, но воля богов превыше всего, а ты имеешь возможность разговаривать с ними. Я верю только фактам, но отчетливо видел все происходящее собственными глазами. Никакое

образование не может отрицать очевидного, боги внимают тебе. Кто я такой, чтобы противостоять всемогущим?

– Согласна. Если тебе так удобнее, оставим это. Сейчас вопрос в другом. Что ты думаешь делать дальше? Будешь продолжать следовать по выбранному пути или появились другие планы?

– Я не могу ничего загадывать наперед, пока не узнаю, как ты желаешь распорядиться моим будущим. Теперь только ты будешь определять его.

– Чензира, друг, которого судьба послала мне, – Лия задумалась. – Я, к сожалению, в ближайшее время не смогу оказывать тебе помощь, в которой ты несомненно нуждаешься. Скоро сюда прибудет Гиваргис и заберет вас в надежное место. Я предлагаю тебе до полного излечения побыть в его доме, а потом продолжить свой путь в Харран. Я буду навещать вас и всячески помогать. Твое пребывание в городе, а я не сомневаюсь, что ты займешь там достойное положение, будет полезным для всех нас. Со временем мы объединимся, и я могу пообещать тебе массу приключений и путешествий. Скучно не будет, будет интересно. Сейчас главное для тебя – здоровье. Ты должен твердо стать на ноги, все остальное придет.

– Ты, как всегда, права, – Лие показалось, что мужчина, с неким напряжением слушавший ее, немного расслабился, – я с радостью последую твоему совету. Не буду давать никаких обещаний. Тебе и так известно, что, как только понадо-

бится моя помощь, я буду в твоём распоряжении.

– Вот и отлично. Все снадобья, что могут понадобиться, тебе известны. Вам обоим требуется хороший лекарь, но, очень прошу тебя, не говори никому, что я принимала какое-то участие в вашем лечении. Лишняя известность может помешать моим планам и намерениям. Заболтались мы с тобой, уже Гиваргис показался.

И действительно, в открытые ворота загона входил отставной солдат в сопровождении Зилпы, тянущей за собой знакомого ослика.

Глава 2

– Госпожа, ты не видела здесь молодой несчастной девушки, скрывающейся от земных невзгод? – рослый мужчина деланно внимательно оглядывался вокруг себя, войдя в ворота загона.

– Гиваргис, нехорошо смеяться над старой знакомой, с которой расстался всего лишь несколько часов назад, – улыбалась Тарбит, наблюдая за входящими, а именно она сейчас владела телом, – неужели я смогла так измениться, что мой друг уже не узнает свою слушательницу. Мы рады вас видеть и знать, что все наши надежды сбываются.

– Просто не могу поверить своим глазам, – Гиваргис широко улыбался встречавшим его обитателям жалкой хижины, если так можно было назвать сложенный из жердей и обтянутый дырявыми шкурами шатер. Даже безобразный шрам не мог испортить выражения радости на его лице, – я оставил здесь измученную вечными заботами, неопрятную, наощупь передвигающуюся девушку, хромого инвалида и уставшую собаку, а встретил прекрасную молодую женщину, полного сил молодого мужчину и великолепного пса. Не иначе, во время моего отсутствия здесь побывали волшебники. Ничем иным такие перемены объяснить просто невозможно. Здравствуйтесь, друзья! Лия, твои предсказания полностью оправдались. Мне не удалось уговорить караван-

щиков помочь мне, но твоя мать, Адина, поняла все без лишних слов.

– Судя по присутствию Зилпы, Лаван отсутствовал, и тебе удалось без особых приключений прибыть за нами.

– Не только Лаван, но и Иаков. Твоя встреча с Джерабом не осталась секретом и, можешь не сомневаться, о ней уже знают в городе. И тут ты была права. Отец отправился узнать, насколько все серьезно, и чем это ему может грозить. Скорее всего и Марон с сыночком уже в городе, подают жалобу.

– Никакие новости, даже самые отвратительные, не смогут уменьшить мою радость от встречи с вами. Теперь я уверена, что Чензира и Гила не останутся без помощи, – еще раз улыбнувшись Гиваргису, Лия обратилась к стоящей в стороне девочке, – здравствуй, Зилпа. Ты уже успела соскучиться по щеночкам? Не волнуйся, еще наиграешься. Лучше расскажи, что творится в поселке. Ты, я надеюсь, не наболтала лишнего?

– Что ты, хозяйка, как можно, – Зилпа даже зарделась от оказанного внимания, – все, как ты приказывала. Какая ты красивая стала. Ой, прости, пожалуйста, за дерзость. Я не буду больше лезть не в свое дело.

– Зилпа, не притворяйся тихоней. Вот когда вырастешь, тогда и будешь хитрить и управлять мужчинами. А со мной можешь разговаривать свободно и не подлизываться. Наш договор остается в силе. Или ты уже не хочешь щенка? Хочешь? Тогда рассказывай дальше.

– Когда меня спрашивали о нашей встрече с сыном корчмаря по дороге сюда, я отвечала, как было велено – да, встретились; да, ударил; да, ты упала, а он с криками убежал. Больше ничего не видела, просто застыла от страха. Добрались до загона, даже внутрь не заходила, сразу побежала домой. А ты очень расстроилась, конечно, после такого удара больно было. Вот и все. Допытывались, конечно, а что ты, а что он, а кто видел, а куда бежал, но я ничего не выдумывала. Испугалась очень, говорила, ведь Джераб и меня с осликом с дороги столкнул.

– Ясно. А что отец, после моего ухода был очень сердит?

– Не знаю. Когда я вернулась, он еще беседовал с богами. А к вечеру вышел во двор с перевязанной рукой, ушибся, наверное, когда упал. Ты ведь сама помогала ему подняться, лучше меня видела. Потом поговорил с Иаковом, и вечером вместе ушли куда-то. Я в доме была, когда они вернулись, ждала, может понадобится что-нибудь. Даже заснула немного. Оба задумчивые были, вроде увидели нечто необычное и не могут прийти в себя. Утром пришел дядя Гиваргис, и хозяйка отправила меня с ним. Вот и все новости.

– Молодец, Зилпа. А что ты скажешь, если тебя спросят, что ты здесь видела? Ведь не можешь ты промолчать, если тебе зададут вопрос?

– Тебя видела. Ты такая печальная была, все спрашивала, скоро ли тебе разрешат вернуться домой. А можно мне ще-

ночков посмотреть?

– Ну Зилпа, ну и хитрюга ты. Молодец. Значит провела меня, привезла что-то. Что это на ослике за поклажа, кстати?

– Адина передала еще еды, переживает она очень. Да и Гиваргиса за весточку отблагодарить, наверное, хотела. А здесь никого кроме тебя не видела. Так можно мне к Гиле. Мы ведь уже знакомы, она возражать не будет. – Зилпа просительно заглядывала в глаза девушки.

– Иди уже, – засмеялась Лия, – тебя учить, только портить. – И отвернувшись, обратилась к мужчинам, – Гиваргис, Чензира, будем собираться? Оставьте мне лепешки и немного фиников, а остальное забирайте с собой. Гиваргис, если будет возможность, отдай выделатъ шкуру ягненка, а остатки мяса, которое ты в нее завернул, пригодятся вам на ужин.

Все как-то заторопились, засуетились, а девушка, будто задумавшись с чего следует начать, замерла на минуту. *«Адат, не хочешь поучаствовать во всеобщем веселье?»* – вопрос Тарбит прервал скучное безделье подруги. Ожидаемый ответ: *«С большим удовольствием»*, – и вот во дворе уже распоряжается Лия с сознанием Адат. Даже Гила, которая настороженно прислушивалась к разговору, не почувствовала перемену в поведении хозяйки, заволновалась и нырнула в хижину. Лия вместе с Зилпой, прихватив одну из корзин, последовали за ней.

Здесь три женщины затеяли возню с маленькими светлыми щенками, чьи черные мордочки забавно тыкались в под-

ставленные ладони. Ги́ла всячески отталкивала от малышей посторонних, а те, как бы сравнившись в возрасте, с удовольствием участвовали в этой кутерьме. Дно корзины выложили использованными в качестве бинтов обрывками нижней сорочки и устроили на них все беспокойное потомство. Обхватив ее двумя руками, маленькая девчушка, гордая доверенной честью, вышла из шатра, сопровождаемая тревожными и ревнивыми взглядами собаки. Лия собрала все вещи с постели больного и вышла следом.

Чензира уже собрал все свои сокровища в мешок, особо тщательно проверив наличие и сохранность папирусов и глиняных табличек. Гиваргис пытался собрать воедино остатки продуктов, бурдюк, посуду, какие-то мелочи. В конце концов с помощью веревок и старого разорванного платья удалось соорудить некое подобие тюка. На спину меланхолического осла пристроили плащ, на котором восседал Чензира с пищущей корзиной в руках. По бокам осла свисали бурдюк и мешок седока. Зилпе доверили посох больного и поводок осла. Но она все время оглядывалась, проверяя, в порядке ли корзина с живыми комочками. Стоящие по бокам Гиваргис и Ги́ла, довершала картину.

– Гиваргис, ты, кажется, упоминал удобство переноски мешка без веревки, – невольно заулыбалась Лия, осматривая готовых к уходу друзей, – вот и попробуешь. Видно, тебе судьбой предсказано всю жизнь провести с неудобным мешком на плечах.

– Ничего, Лия, меня такая судьба вполне устраивает. Главное, жизнь продолжается, а семья (ведь мы теперь вместе?) разрастается. А мешок? Ерунда этот мешок. Не волнуйся, все у нас получится, как договаривались.

– Чензира, все запомнил? Я надеюсь, удастся навестить вас вскоре. – Лия обратилась к собаке, переводящей взгляд с корзинки на девушку и обратно, – Ги́ла, хорошая моя, не волнуйся, отправляйся с мужчинами, следи за детьми. Зилпа, наш договор остается в силе.

Процессия тронулась в путь, Ги́ла еще какое-то время останавливалась и оглядывалась, не направится ли хозяйка за ними. Потом, убедившись, что поняла все правильно и они покидают загон без Лии, догнала маленький отряд и потрусилa рядом с осликом. Солнце уже клонилось к закату. Длинные тени протянулись от идущих фигур, окрепший ветерок носил мусор по загону, трепыхались незакрепленные шкуры на крыше шатра, издавая резкие звуки. Девушка оглянулась вокруг себя, будто ища кого-то.

– Тарбит, – голос, прозвучавший в голове, был напряжен и несколько взволнован, – как-то тревожно стало, или это только так кажется?

– Просто теперь, после стольких дней бесконечной суеты, мы, наконец, остались наедине, Лия осталась одна, – Тарбит, ответила совершенно спокойно, будто только и дожидалась возможности избавиться от присутствия посторонних, чтобы отозваться, – и можно подвести некоторые итоги. Наде-

юсь, я понятно выражаюсь, Адат. И первый, самый важный, ты неизменно изменилась. Твое сознание перестало подчиняться чужой воле, и ты превратилась во взрослую, знающую себе цену женщину. Глядя, как ты обращаешься с мужчинами, хочется напроситься в ученицы к такой талантливой управляющей. А твой дипломатический дар заставляет восхищаться и поменьше высовываться из любимой извилины.

– Смейся, смейся. Конечно, той, что спокойно разговаривает с богами, все позволено, – несколько обиженно откликнулась Адат, – я действительно стала чувствовать себя свободнее, зная о защите богов, да и у тебя многому научилась. Например, сбрасывать неинтересную работу на другого. Так что, подруга, бери владение руками, ногами и всем остальным на себя и займись делом, до темноты совсем немного, а перекусить не помешает. Давай, давай, не стесняйся, а там, глядишь, и тема для болтовни найдется. Вот, задвигалось и закурилось, значит понимаешь, что я права.

– Еще раз подтверждается мой тезис, что за совершенно невзрачной прежде внешностью прятался мощнейший талант управленца. По вашему указанию, молодая хозяйка, – тело девушки выпрямилось, руки опустились по швам, голова поднята – стойка «смирно» в полной тишине со стороны смотрелась бы несколько странно, но зрителей поблизости не наблюдалось, – угли в очаге раздуты, в кружке закипает вода, место для отдыха подготовлено, позвольте укладываться почивать. Или еще чего пожелаете? – веселые нотки за-

дорно звучали в голове.

Девушка устроилась у костра и с аппетитом принялась уплетать лепешку и кусочки баранины. Тут и кипяток поспел. Заварив в миске очередную порцию лечебного настоя, уже не торопясь, приступила к смакованию фиников, запиная их горячей водой из кружки.

– Как же с тобой здорово, милая Тарбит. Накормила, напоила, вкусненькое не забыла на закуску. А ничего не делать в дальней извилине мне понравилось. Особенно когда все двигается, а ты только указания раздаешь. Одна моя хорошая знакомая говорила: «Первым делом нужно позаботиться о себе, любимой». Ой! Не щипайся, самой же больно.

– А ты не дразнись, а по поводу «хорошо в извилине» – сама скоро взвоешь от безделья и будешь проситься подвигаться. Все у нас получается, напарница, сейчас появилась возможность немного передохнуть, не нужно следить за каждым своим словом и жестом. А по поводу поболтать... Если не забыла, о первой перемене в твоём сознании я уже упомянула, теперь второе. Нам удалось изменить ситуацию, и мы стали чуточку ближе к своей цели: ты – нарожать детишек от Иакова, я – нормально пожить, не опасаясь всяческих жизненных встрясок. Теперь нас никаким пинком не прогонишь, рукой не оттолкнешь. И это плюс. Знаешь, что такое плюс?

– Ты меня, вообще за кого принимаешь? – обиделась Адат, – пусть я полуслепая, но не глухая и не немая. Учить-

ся в школе писцов мне, конечно, не довелось, но кое—что я все же знаю. Слышала, как купцы торгуются, мама рассказывала, как хозяйство вести, Гиваргис упоминал много ученых выражений. Так что овец посчитать могу, если их не слишком много, конечно, и понять, прибавилось их или убавилось, соображу.

– Даже обижаться на твою пылкую речь не собираюсь. Некогда. А что у нас минус? Минус у нас жирный – утопление. Это первый. Полное отсутствие средств – второй, не менее толстый. И третий – безумная, ничем не объяснимая, влюбленность нашего избранника в Рахель, и полное нежелание обращать внимание на Лию, такую исключительную и неповторимую. Все минусы сразу нам в плюсы обратить не удастся, так что все по порядку. Хотя, если хорошо покопаться в законах Хаммурапи, можно попробовать объединить первые два минуса и получить жирный плюс.

– Не нужно обижать мою сестру. Ее красота затмит собой блеск солнца и сияние луны, – не удержалась Адат, – а твое спокойствие перед судом и испытанием вызывает, если не опасение в твоём редкостном благоразумии, то, по крайней мере, удивление. И это уже зная, что нам предстоит.

– А что нам предстоит? В худшем случае, проплыть под водой два десятка метров в мутной воде и устроить представление на глазах заинтересованных зрителей. Мы это уже проходили, правда без водоема. Ты ведь сама говорила, что

топить нас, то есть Лию, не будут. Так что плохо?

– Плохо то, что Лия видела реку два раза в жизни. Один раз наблюдала, как рыбаки плавают, освобождая запутавшиеся сети. Но никогда, слышишь, никогда даже ноги ее не касались речной воды. Ни разу не приносила даров богине Нанше и не просила ее о милости. – Адат даже захлебываться начала от возмущения и непонятливости подружки, – ничьего вмешательства, чтобы с нами покончить, и не потребуется, богиня все сделает сама: и примет, и заберет душу, и бездыханное тело отдаст, зачем оно ей.

– Успокойся. Если Лия никогда не плавала, это совсем не значит, что она не умеет этого делать. Ведь любые навыки откладываются в сознании, а именно оно в первое время управляет движениями. Только потом, когда все движения станут привычными, можно не задумываться о знакомых действиях, тело само справится. Вот, например, если тебе нужно перепрыгнуть через канаву, в первый раз ты остановишься, примеряешься и только потом преодолеешь ее. В десятый раз все произойдет само собой, и ты даже не заметишь, как окажешься на другой стороне. Так и в нашем случае, я возьму все на себя. Уверяю тебя, с богиней мы сможем договориться, тем более что я с ней прекрасно знакома, и она меня поддерживает на волнах.

– Тарбит – посланница богов. Как же я, неблагодарная, могла забыть об этом. И с этим божеством ты тоже дружна? Тогда мы можем быть спокойны.

– Дружна-то дружна. Но вседержители не очень любят, когда у них часто и много выпрашивают, не прилагая при этом ни малейших усилий для преодоления затруднений. Поэтому, поддержать меня Нанше не откажется, я уверена, но только в случае, если никто не будет ей мешать. А мешать ей могут два обстоятельства, по крайней мере я так думаю, веревки и платье. Веревки, это если Лию свяжут или привяжут к чему-нибудь. Платье, если оно будет сковывать движения в воде. Оба неприятны, и к появлению обоих следует подготовиться. Помнишь, сколько времени заняла подготовка жертвоприношения? Но ведь получилось, все остались довольны, а мы к тому—же, с более высоким положением и с мясом. С чего начнем?

– Что будет на суде, и как будет, я только из рассказов знаю, а платье это у меня одно целое осталось после того, как у куста богам поклонялись. Мы с матерью вместе покупали в городе два одинаковых платья. Так дешевле было. Жалко будет, если последнее пропадет.

– Постараемся отделаться мелочами, а там, как получится, – Тарбит задумалась, – допустим, веревок нет. Лию бросили в реку и ждут, когда она утонет. Но всегда есть шанс, что обвиняемая спасется. Что делать, чтобы этот шанс стал нулевым. Веревки не рассматриваем, колдунья плавать не умеет. Остается позаботиться, чтобы было побольше помех. И самая очевидная – длинное платье и нижняя рубашка, которые будут мешать двигаться в воде. Что еще? Жрица

(или жрец) захотят иметь полоумную, дабы ставить на ней опыты, и придумают нечто, что поможет извлечь утопленницу из воды. От такого счастья тоже нужно будет отбиваться, но об этом потом. На всякий случай, нужно представиться совершенно ущербной и несчастной. – Тарбит даже засмеялась, – многовато получается желающих избавиться от молодого тела. Так и запутаться можно. Вернемся к нашим баранам, к платью, то есть. Что нам от него нужно? Чтобы не мешало. Лучше всего, чтобы этот мешок вообще исчез, но маловероятно, что нам будет позволено остаться без него. Следовательно, нам нужно освободить ноги для плавания, задраить подол до пояса и удерживать его там. И как это сделать? Адат, идеи есть?

– Нужно приделать веревочки по бокам и концы их пришить к подолу. В воде потянуть их наверх и поднять подол. Это то, что ты хотела?

– Именно так, нужно пробовать. А если начнут обыскивать и обнаружат перед испытанием? На всякий случай, нужны еще варианты.

– Еще? Можно порвать от горловины до самого подола, тогда полы всплывут и ноги будут свободны. Но будет мешать нижняя рубаха.

– Тоже вариант. Вместо нижней рубахи оденем те обрывки, что остались после обхаживания пациентов, сделаем надрез...

– Опять платье портить, а в чем потом ходить? Я не все-

рьез сказала, а ты ухватилась сразу. Чем тебе веревочки не нравятся?

– Найти их можно, вот в чем дело. А если сделаем надрез на поясе и прикроем ее заплаткой или узором каким-нибудь, может пройти. Руки, ноги будут свободны – пол дела сделано. Потом уплыть побыстрее нужно, только куда? Кто может знать место, где это зрелище происходить будет?

– Думаю, Гиваргис. Он знаком со стражниками, может разузнать.

– Прекрасно. Тебе не кажется, что холодает, а настойка остыла. Давай подбросим сучьев в огонь и переберемся под хоть и ненадежную, дырявую, но все же крышу. Там будем договаривать. Все-таки неплохо, что здесь нет никого. Хоть отдохнуть удастся.

– Я с удовольствием, – поддержала Адат, – надоели эти дежурства. Все время насторожé. Отключимся до утра.

– Ни на что не осталось ни сил, ни желания. Пару глотков отвара, прилепить на глаза примочки и спать, спать, спать.

Убывающая луна, проплывавшая по небосклону, не стала нарушать покой единственной обитательницы хижины, а лишь мягко освещала мгновенно погружившуюся в забытье девушку. Небольшой ветерок осторожно отгонял жар нагретых за день стен, боясь помешать долгожданному сну восстанавливать силы молодого организма, истраченные без остатка за последние суматошные дни и ночи. Налюбовавшись в щели крыши на удобно устроившуюся на циновках фигу-

ру, лунный диск уходил по предначертанному пути и постепенно начал бледнеть в свете восходящего солнца.

Первые солнечные лучи, брызнувшие из-за горизонта, с недоумением разглядывали непривычную пустоту загона, присыпанные золой угли в очаге, висящий на колышке в стене почти пустой бурдюк и никого... Никакого шевеления, ни одного звука в пустоте двора. Любопытный лучик, проникший в дыру между старыми шкурами на крыше хижины, радостно забегал по разбросанным по полу циновкам и замер, наткнувшись на мирно посапывающую во сне Лию. Непорядок. Пора, пора уже просыпаться. Осветил закрытые глаза, нежно погладил по прелестной щеке, пощекотал нос и хотел было пригреть посильнее, но передумал. Точеные губы рта растянулись, показывая миру прелестные жемчужины зубов, сильные руки потянулись вверх, гибкое тело изогнулось и голос, которого, казалось, ожидал весь окружающий мир, провозгласил начало нового дня: «Хорошо-то как», – и все сразу бжило, задвигалось. Захлопали под ветром незакрепленные шкуры, защебетали птицы, далеко—далеко, по дороге на пастбище заблеяли овцы, сотни звуков слились в один невнятный негромкий шум.

– Тарбит, доброе утро, просыпайся. Мне кажется, нам удалось совершить еще одно чудо. – Адат лениво обращалась к волшебным образом обретенной подруге, – нам удалось выспаться.

– Я хочу, чтобы это чудо продолжалось, давай поваляемся

немного.

– Никаких возражений с моей стороны, но организм самым настоятельным образом просится на простор. Мы все равно долго не сможем сопротивляться его требованиям, придется выбираться.

– Адат, милая, ты самая решительная, в трудные минуты всегда все брала на себя, – захныкала Тарбит, – позволь мне еще немного понежиться в любимой извилине, ну пожалуйста.

– Ладно, лентяйка, поваляйся еще, – засмеялась Адат, – приведу все в порядок. Знаешь, давно мне не было так спокойно. Только, когда меня, маленькую, мама будила. Я уже успела забыть, когда это было.

Лия еще раз потянулась и выбралась из шатра. Теплый ветер, казалось, только и ожидал подходящего момента, налетел, растрепал распущенные волосы, заиграл подолом платья, закружил вокруг засмеявшейся от удовольствия девушки. Еще раз потянувшись до хруста в плечах, она отправилась со двора. «Что сначала – умыться или размяться, – задумалась на мгновение и решила, – все будем делать по порядку. Начинаем утро с самого необходимого. За ограду, марш!». Было приятно ощущать, как кровь все быстрее струится по каждой жилочке, принося с собой жизнь в просыпающиеся ото сна клетки тела, как все охотнее отзываются на приказы мускулы, как отходят на второй план все заботы и остается только радость от солнечных лучей, от тиши-

ны и покоя, от ощущения своей силы. Даже неудобства при умывании не испортили приподнятого настроения.

– Расшевелила ты меня, Адат, – отозвалась Тарбит, – чувствую, понравилась зарядка? Слава богам, подтверждается мое убеждение, что прежняя Лия переродилась, и тебя уже не нужно убеждать в этом. Не мешало бы позавтракать, и можно считать утреннюю программу выполненной. А после завтрака снова отдыхать и отсыпаться.

– Все так, но бездельничать не получится.

– Ада-а-ат, но ведь хорошо-то как. Давай еще поваляемся.

– Тарбит, не капризничай. Мы обещали сегодня вернуться домой, да и мужчин проведать нужно. Достаточно отдохнули, при случае устроим себе день ничего не делания, а сейчас лепешка, финики, вода и собираться.

Так все и происходило. Вскоре двор был убран, угли в очаге засыпаны землей, хотя они уже и не дымились, шкуры на крыше и стенах шатра по возможности подвязаны, ворота прикрыты. Еще раз обзрев временное пристанище, Лия, нагруженная пустым бурдюком и корзинкой с остатками нижней рубашки и мелочами, вышла из загона.

Уже наизусть знакомая тропа привела к черному пятну с вытоптанными вокруг него площадками. Но почему-то его неприглядный вид не отталкивал своей пустотой, а напоминал о необычном действе, разворачивающемся здесь. «Спасибо, куст. Ты еще оживешь и станешь пышнее прежнего, не сомневайся, – Лия глубоко вздохнула, – я знаю, что гово-

рю». Собираясь продолжить путь, подняла голову и заметила бегущую к ней Зилпу. «Адат, куст не хочет нас отпускать, – откликнулась Тарбит, – все значимые события происходят именно здесь. Не торопись, позволь мне переговорить с девчонкой».

И, дождавшись, когда запыхавшаяся служанка добежит до нее, тихо и медленно заговорила, самым своим тоном внушая спокойствие:

– Привет, Зилпа. Молчи. Три раза глубоко вдохни и выдохни. Нет, это только два. Еще раз, вдо-ох, вы-ыдох. Только не тараторь. Мужчин вчера проводила? Молодец. Ничего не растеряли? Умница. Щенки в порядке? Заулыбалась, значит Гила осталась довольна. Успокоилась? Теперь говори.

– Утром приходили мушкенумы, спрашивали тебя. Долго разговаривали с Лаваном, напугали его очень. Он не знал, что делать, бросился в комнату с богами, потом позвал Адину, с ней о чем-то совещался. Потом меня послал за тобой, велел немедленно возвращаться домой, а хозяйка передала, что тебе грозит опасность. Госпожа, а мушкенумы, там еще и жрец был, из—за противного Джераба явились?

– Просила ведь тебя, не тараторь. А что Иаков? Чем он занимается после разговора с отцом и ночной прогулки?

– Иаков после того, как вернулся с Лаваном, все рассказывал ему о каком-то своем боге, называл его Великим и Всемогушим. Говорил, что он командует всеми нашими богами и обещал ему, Иакову, свою защиту и покровительство. Еще

говорил, что потомки его заполнят всю землю. Поэтому ему срочно нужно взять в жены Рахель и начинать выполнять заветы своего бога. А Лаван должен ему помогать, тогда ему тоже будет обеспечено благоденствие и счастливая старость в окружении внуков.

– Бери бурдюк на плечо и вперед. Не торопись, малышка, поговорим на ходу. – и мысленно обратилась к напарнице: *«Адат, ты еще помнишь походку прежней Лии? Бедная, несчастная Лия идет домой. После встречи не суетись, ничего не проси и не объясняй, с отцом я беседовать буду. С Адиной, когда получится остаться с ней наедине, ты. Мать не должна пока почувствовать перемены. И не торопись, не показывай своего испуга»*.

– Надеюсь, ты не наболтала лишнего, ну и прекрасно. – Тарбит вновь обратилась к служанке. – А что Лаван, слушал Иакова, отвечал ему?

– Я не знаю, спать очень хотела, – виновато засопела Зилпа.

– Все в порядке, не горюй. Сегодня утром они встречались?

– Думаю нет. Иаков с Рахелью отправились на пастбище еще до того, как за тобой явились. Они всегда вместе держатся. Иаков все рассказывает и рассказывает, а Рахель то краснеет, то бледнеет; то смеется, то слезы вытирает. Прямо смешно становится. Про Рахель у Бильхи, сестры моей, нужно спрашивать. Она все время возле них крутится.

Так две девушки, взрослая, сторбленная, смотрящая в землю, и совсем еще маленькая, подпрыгивающая от возбуждения, продолжили свой путь. Редкие встречные останавливались и начинали перешептываться, боясь преградить им дорогу. Зилпа помалкивала, боясь нарушить раздумья молодой хозяйки, а возле самых ворот юркнула в сторону.

Глава 3

На сцене подворья, словно очередной акт несыгранного до конца спектакля, повторялась картина трехдневной давности – застывшая в углу двора Адина, любопытные взгляды слуг и стоявший на пороге дома Лаван. Только Лия на этот раз не бросилась к отцу, а, передав корзинку с вещами подоспевшей служанке, прошла в центр двора и остановилась. Напряженная тишина подчеркивала необычность происходящего.

Не произнеся ни слова, Лаван сделал знак дочери следовать за ним и отвернулся, входя в дом. Лия повернулась к матери, поклоном головы поприветствовала ее. *«Тарбит, как ее успокоить?»* – прозвучал голос в голове. *«Просто улыбнись, и спокойно иди за отцом, – ответ не заставил себя ждать, – она все поймет».*

Никто не суетился, не падал на колени и не рыдал. Все происходило настолько буднично, что любопытные взгляды исчезали, все возвращалось к своим делам, гнетущая тишина сменилась обычным шумом рабочего дня.

Столовая встретила Лию приятной прохладой, Лаван, уже сидевший за обеденным столом, выглядел поникшим и как-то сразу постаревшим. Он уставился в столешницу, и было видно, что даже не знает, с чего начать разговор.

Лия своей обычной походкой подошла к статуэтке Иштар,

поклонилась ей и прошептала одними губами какие-то фразы, недоступные даже самому тонкому слуху. Повернувшись к Лавану фигура молодой женщины, чем-то напоминала статуэтку богини, а походка дочери стала пружинистой и уверенной.

– Как ты и приказывал, я явилась по первому твоему зову. Мне казалось, что после нашего последнего разговора, между нами больше нет недопонимания. Ты прекрасно знаешь, чем я была занята все время. Или произошло нечто, что мне сейчас неизвестно?

– Не прикидывайся несчастной страдальницей. Ты обманула меня, – вскипел Лаван, – все твои слова и выходки ничто после обвинения в колдовстве. И кого обвиняют? Мою дочь, принесшую мне столько горя. Теперь, после всех неприятностей, обрушившихся на мою семью, меня ждет разорение, никто меня не защитит, – голос звучал все громче и начал переходить в крик, – и ты смеешь спокойно спрашивать меня: «Что случилось?» Теперь я даже не могу отдать тебя в услужение жрецам бога Сина.

– Я туда особо и не стремлюсь. И никогда не стремилась, как тебе известно, – перебила брызжущего слюной от ярости отца Лия, усаживаясь напротив него, – мы будем спокойно обсуждать возникшие совершенно внезапно проблемы, или кричать друг на друга? Я долго не сумею, голос сорву.

– Да как ты смеешь так разговаривать с отцом, – задохнулся от возмущения Лаван, вскочивший со своего места, – со-

всем сошла с ума? Может это и к лучшему. Безумные не могут рассчитывать на наследство, и мне удастся сохранить имущество.

– Я жива. Живее всех живых, таковой и намерена остаться, и полна решимости выполнить свои обязательства, в отличие от беспочвенных обещаний помощи чужих богов. Сядь и успокойся. Если ты предпочитаешь пустые надежды на возможное покровительство бога, которому поклоняются потомки Авраама, скажи, тогда я, преданная слуга великой Иштар, буду действовать одна. Но в таком случае забудь об обещанном и продолжай внимать рассказам Иакова. Но боюсь, что ждать придется долго. Ты ведь убедился, что он весьма отличается от своей матери, твоей сестры Ревеки, и склонен полагаться, как и его отец, на провидение своего господина.

– Как ты могла узнать обо всем этом, находясь в одиночестве далеко отсюда, – оторопел Лаван, безвольно плюхнувшись на стул, – неужели великая богиня и в правду снизошла до тебя, или мои молитвы были услышаны, а благословение семье придет через мою обделенную здоровьем дочь.

После повеления наместника доставить тебя на суд по обвинению в колдовстве, выбор у меня невелик: или молиться единому богу Авраама и уповать на его волю, или выслушать тебя и постараться избежать горькой участи, что пророчат мне завистники и недоброжелатели. Что же делать? – на осунувшемся лице отразились терзавшие, этого, по сути дела,

пусть и зажиточного, но все же обычного крестьянина, сомнения. – Но одно ведь не исключает другого. А если о заступничестве единого бога Авраама и Исаака будет просить сам Иаков, то это не сможет вызвать ревности и неудовольствия наших покровителей.

«Адат, ну и хитер твой папенька, хочет сидеть на двух стульях сразу, – промелькнуло в голове, – и как это он, при таких-то талантах умудрился оказаться в столь затруднительном положении. Нарвался, по—видимому, на прониру похлеще. Уж не трактирищик ли это, или тут целая компания подобралась? Собственно говоря, сейчас не до этого. Позже разберемся».

– И что ты решил, – Лия прервала его размышления вслух, – или пойдешь советоваться в свою потайную комнату. Спрячешься, как улитка в раковине, и я тебя больше не увижу, или обсудим наши действия? Если первое – я тебя покидаю. Уговаривать и выслушивать твои сомнения и рассуждения нет ни желания, ни возможностей.

– Тебя при мушкенамах, наемных служащих царского представителя, прибывших из Харрана по государственным делам, называли колдуньей, что равносильно обвинению в колдовстве. В тот же день составленная писцом городского управления жалоба, заверенная печатями обвинителя и двух свидетелей, была готова и вчера подана на рассмотрение городскому судье. С таким делом тянуть не будут. Никто не хочет иметь поблизости от себя столь опасного человека. К то-

му же вопросы, связанные с причастными к божествам подземного царства, находятся под особым надзором жрецов.

Тебе предписано завтра, не позднее полудня, явиться на центральную площадь и предстать перед судьей. За проведением процесса будут наблюдать наместник и представитель храма Сина.

Кара, предусмотренная за это деяние, кроме решения твоей участи, предусматривает передачу принадлежащего тебе имущества обвинителю. Поскольку имуществом ты не обладаешь, то подразумевается твое приданое.

– Обвинителем является Джераб или его отец? – спросила Лия. – И в чем конкретно меня обвиняют? В чем проявилось колдовство?

– Жалоба подана сыном корчмаря и доказательством правдивости его слов является сломанный палец, к которому ты даже не прикоснулась.

– Как же в таком случае я могла повредить его?

– Джераб утверждает, что хотел лишь отодвинуть тебя с дороги, но экимму, вызванные заклинанием, остановили его руку и искалечили ее.

– Ни удара этого наглеца, ни моего падения в жалобе не упоминается? И мушкенымы не свидетельствовали об этом?

– Нет, они лишь подтвердили, что после встречи с тобой Джераб, прижав руку к груди, с криками побежал в направлении постоянного двора. Больше их ни о чем не спрашива-

ли. Услышав такое обвинение, они немедленно обязаны доложить о случившемся начальнику, так что утаить подобное, даже если двум заинтересованным сторонам удастся договориться без суда, невозможно. Корчмарь Марон с сыном сразу поспешили в город и подали жалобу. Теперь это дело в руках властей и будет расследовано. Всем ясен исход, ни разу не бывало, чтобы уличенная колдунья избежала наказания.

– Меня, твою дочь, ударили при свидетелях, и ты ничего не предпринимаешь, чтобы защитить ее и свое доброе имя?

– Удара не было. Мне не на что жаловаться. Остается лишь принять приговор, как бы строг он ни был.

– С этим понятно. И какие у тебя отношения с этим семейством. Меня до сих пор не очень-то охотно посвящали в дела семьи, точнее будет сказать вообще никогда не обращали внимания на ущербную дочь.

– После суда Джераб получит треть моего имущества. Мой надел и величина стада, которое я смогу выпастать на общинном пастбище уменьшатся, так как в семье останется лишь одна дочь.

– А почему именно треть хозяйства перейдет жалобщику?

– Вас двое, ты и Рахель. В качестве приданого тебе и Рахели положены равные доли. Так написано в законе. Одна доля моя, две ваши.

– Но в таком случае, тебе невыгодно выдавать нас замуж. Ты просто разоришься. Как же тогда отцы отдают дочерей в чужие семьи.

– Я получаю тархатум, выкуп за дочь, а он больше приданого, ведь рабочих рук в хозяйстве становится меньше, а это прямые убытки. Так по закону, но на деле договариваются о сумме выкупа. Но не в нашем случае. Завтра меня просто ограбят, и виной этому будешь ты.

– Значит, меня просто казнят? А разбирательство назначили просто порядка ради. Или это не казнь, а нечто другое. Вдруг Джераб ошибается?

– Будет назначено испытание, но разница с казнью неве...

– Остановись, извини, что перебиваю. Теперь я выскажу свои догадки по поводу судей. Если я ошибусь в чем-то, поправишь.

Наместник появился здесь не так давно, с приходом нового царя. Митаннийцы не особо интересуются хозяйственными делами и стараются не затрагивать интересы храмов. Не хотят ссориться с богами. Так что и судья, и жрецы остались со старых времен. Судебные порядки существуют со времен Хаммурапи. Пока все правильно? Отлично. Продолжаю.

Земля принадлежит государству, храмам и частным владельцам. Для облегчения управления, независимые хозяева сведены в общины, и власти в основном имеют дело только с их представителями. Новые богатеи, владеющие большими наделами, имеют прямой выход к приближенным наместника и могут решать с ними вопросы в свою пользу. Так? Так. – Глаза Лавана по мере того, как Лия излагала существующее

положение, все больше округлялись. На каждый новый вопрос он только утвердительно кивал головой, – те деньги, которые раньше доставались суду и храму, теперь проходят мимо них. В их услугах просто исчезает необходимость.

Все решают гражданские власти, если не городской совет, то служащие наместника. Поэтому и судья, и жрецы не будут возражать, если пожелания наместника, подсказанные ему корчмарем, останутся невыполненными. Если, конечно, законы при этом нарушены не будут. Ведь корчмарь частенько общается с его доверенными служащими? Не знаешь? Ладно. Будем считать, что так и есть. Так что особого рвения при обличении колдуньи проявлять не должны. Получится насолить выскочке, не будучи заподозренным в святотатстве – хорошо, не получится – тоже не страшно, невелика потеря. Все верно?

– Все так и есть. Но откуда тебе, ни разу не покидавшей поселка, все это известно?

– Мне нужно побывать в твоей особой комнате, – задумчиво произнесла Лия, даже не обратив внимания на заданный вопрос, – когда я зайду в нее, оставишь меня наедине с богами, а сам подождешь снаружи. Пойдем, не будем терять время на пустое.

– Но тебе вход в нее запрещен. Мой дед, Нахор, строго-настрого запретил входить туда кому-либо, кроме меня и взрослых сыновей.

– Я попрошу, чтобы с ним поговорили, и не сомневаюсь,

что разрешение будет получено. Это моя забота. Разожги яркую лампу, советуясь с богами, я должна видеть выражения их лиц.

Вконец сбитому с толку Лавану ничего другого не оставалось, как выполнить указания дочери и последовать за ней. У шторы Лия знаком руки остановила отца, а сама нырнула в домашнее святилище.

«Адат, твой прадед, Терах, был прекрасным, нет, выдающимся мастером. – Тарбит была совершенно потрясена увиденным, – У нас о таких говорят: «наделен божьей искрой». Будь внимательна, другой такой возможности увидеть подобную красоту может не представиться. Жаль, что никто из потомков не смог продолжить его дело. Если хоть что-нибудь из этой сокровищницы уцелело до времени, из которого меня прислали, то оно находится или в музее, или у богатого собирателя древностей.

Теперь я понимаю Лавана, почему он не хочет сюда никого допускать и проводит здесь массу времени, – свет фонаря в комнате, освещенной двумя тусклыми светильниками, казался особенно ярким, – я не буду сейчас рассказывать всю историю в деталях, но где-то здесь должны быть сложены менее удачные образцы творчества Тераха. Мы ищем сундучок или нечто в этом роде. Вон, в дальнем углу виднеется подходящий ящик. Да, здесь может оказаться то, что может нам пригодиться».

Не понадобилось и двух минут, чтобы на свет была из-

влечена небольшая, размером с ладонь, бронзовая статуэтка, изображающая лежащую женщину, у которой вместо ног был рыбий хвост. Под темной патиной угадывались прелестные черты лица, а на изогнутом хвосте можно было прощупать мелкие чешуйки. Осторожно проведя указательным пальцем по изящным изгибам, Лия вздохнула и спрятала свою находку в складках платья. Приведя в порядок темный угол, девушка позвала отца.

– Я услышала и увидела то, что хотела. Теперь твоя очередь. Возьми свой горшок с серебром, или что там у тебя, и возвращайся в столовую. Не кривись, я знаю, что он где-то здесь, но не хочу и не буду лезть в твои секреты. Но не думай, что сможешь скрыть от меня хоть что-то.

– Ты заберешь все? – спросил Лаван, подходя к столу. И столько безнадежности и отчаяния было в его голосе, что Лия невольно усмехнулась.

– Не волнуйся, серебро останется у тебя, еще и приумножится. Мне нужна самая малость.

Девушка вытряхнула на стол небольшие слитки, обрезки проволоки, звенья цепочек, скомканные нити – весь этот лом из драгоценного металла, служивший здесь в качестве денег. *«Да уж, даже монет еще чеканить, не додумались, а ведь и подсказать идею нельзя»*, – подумала, лениво шевеля указательным пальцем эту кучу. Отобрала пять подходящих вещей и несколько небольших, размером с чешуйку мелкой рыбешки, пластинок. Подняла глаза и, встретив облегчен-

ный взгляд отца, по лицу которого стекали крупные капли пота, отодвинула драгоценный мусор.

– В поселке есть писарь, имеющий право составлять документы. Должен быть, ведь здесь расположена управа общины. Выносить решение или менять существующие порядки – это право властей, но изложить прошение или составить жалобу по мелкому вопросу может. Иди к нему и составь жалобу судье, не правителю, а именно судье, что твою дочь без всякой причины ударили и повалили на землю. Никому не показывай, а завтра возьми с собой в город.

Лия встала, подошла к статуе Иштар и прислонилась к ней головой.

– *Адат, я закончила, теперь твоя очередь. Забирай управление, иди к Адине. Попроси сшить маленькие мешочки для четырех кусочков серебра, а пятый, звено цепи, повесь на шнурок и надень на шею как украшение.*

– *Тарбит, мы сумасшедшие? Или только я одна?*

– *Мы обе нормальные, не волнуйся. Я отправляюсь в любимую извилину. Не забудь о походке.*

Лия-Адат повернулась и направилась к выходу. Лаван, стоя над кучкой серебра, с удивлением провожал взглядом сторбленную фигуру дочери, которая, опустив голову, знакомой неуверенной походкой слабовидящего человека проходила мимо него. «Благодарю тебя, отец, за ту беседу, что была между нами. Что больше не гневаешься на меня и позволяешь быть с вами. Разрешите мне, покорной дочери, отпра-

виться к матери», – произнесено это было громко, так, чтобы подслушивающие, если таковые были, могли хорошо разобрать сказанное.

«Гениально», – лишь одно слово, как удар колокола, промелькнуло в голове. Лия вышла на крыльцо и обвела взглядом двор. Адина, все время, что прошло с прихода дочери, с тревогой поглядывала в сторону дома, а сейчас бросила работу и застыла в ожидании. Не став испытывать ее терпения, Лия быстро направилась к ней и тут же попала в знакомые объятия. Обе молчали, Адина только поглаживала дочь по волосам, а та впитывала в себя знакомые с детства запахи и ощущения.

– Все хорошо, мама, все хорошо. Я снова дома, снова с тобой.

– Как же хорошо, дочка? Не утешай меня, завтра к вечеру меня уже не будет. Останется лишь оболочка прежней Адины. Как же жить, девочка моя? Отцу до меня уже давно нет дела, у Рахели своя радость, ты завтра покинешь нас навсегда. Где здесь хорошее, скажи мне?

– Завтра я поеду в город, а ты приготовишь праздничный обед, и мы будем праздновать мое возвращение. Только самое вкусное.

– Как ты можешь шутить, дочка! Или отец не рассказал тебе о той ужасной новости, которую с утра обсуждает весь поселок?

– Мама, все будет так, как я сказала, какие могут быть

шутки в таком важном деле. Знаешь, я вспоминаю свой последний завтрак здесь. Вели принести мне лепешки и молока, после разговора с отцом я чувствую ужасный голод. Я бы сейчас, наверное, съела бы целого вола. Вот видишь, и улыбка уже появилась. Пойдем, устроимся в сторонке, где нам никто не помешает, я тебе расскажу все, что смогу.

Женщины устроились в тени, подальше от любопытных взглядов и ушей. Младшая за обе щеки уплетала принесенную еду, а старшая только смотрела на нее любящим взглядом. Никому не хотелось нарушать молчание и вспоминать о неприятностях. Из дома вышел Лаван и, не говоря ни слова, покинул подворье. Немногочисленные слуги демонстративно углубились в работу, не бросали любопытных взглядов в сторону женщин и не перешептывались, боясь вызвать неудовольствие хозяйки. Наскоро утолив голод, первой нарушила молчание Лия.

– Для того, чтобы все удалось, мне понадобится твоя помощь, мама. Все, казалось бы, мелочи, но от них зависит наше будущее, и я постараюсь ничего не забыть. В корзинке, что я принесла, лежат остатки моей нижней рубашки. Ее нужно аккуратно обрезать и постирать. Завтра она мне понадобится. Вот серебро, не удивляйся и не спрашивай, просто возьми. Каждый кусочек, обломок нужно уложить в маленький мешочек и затянуть шнурком. Их немного, скажешь, что это подношение богам.

Мама, в загоне, куда меня отправил отец, я наткнулась

на больного мужчину и немного помогла ему. Именно для него я просила много еды. Мне хотелось бы навестить его сегодня, не могла бы ты дать молока, лепешек и немного сладостей? Я вернусь к вечеру, сейчас мне нужно завершить кое—какие дела.

— Лия, это действительно мелочи. Не знаю, что ты задумала, но все будет готово к вечеру, без лишнего шума и суеты. Неужели, это все просьбы?

— Нет, мама. Мне страшно неудобно просить тебя об этом... У тебя есть такое же платье, как на мне сейчас. Помнишь, отец покупал два сразу. Я знаю, что он не балует тебя одеждой, но мне оно нужно прямо сейчас, мама. Не спрашивай ничего, просто скажи, могу я забрать твое платье и нижнюю сорочку? Кажется, ничего не забыла. Нет, я знаю, что у тебя есть мазь, которой лечат раны. У моего нового знакомого большая рана на ноге.

— Девочка, моя. Может, я пойду с тобой? Мне было бы легче. Нет? Ну что ж. Сейчас тебе соберут еду, я упакую одежду так, чтобы никто не догадался, что находится у тебя в свертке, и буду молиться о тебе.

— Я к вечеру вернусь, не волнуйся. Мы еще сможем побыть вдвоем.

Лия продолжила еду, меланхолично обводя взглядом знакомые с детства постройки. Все было много раз продумано и обсуждено между «партнершами». Теперь основной задачей было — не перегореть. Требовалась задача, которая поз-

волила бы отвлечься от томительного ожидания.

– *Что приуныла, Адат. – Тарбит решила отвлечь подругу от грустных мыслей, – видишь Зилпа крутится возле кухни, не решается подойти? Позови ее и позволь переговорить с ней, пока мать не пришла.*

Зилпа примчалась, увидев приглашающий жест Лии, и застыла, ожидая новых указаний. Она уже привыкла, что напрасно ее не позовут, и предстоит новое увлекательное задание. Девчонка даже подпрыгивала от возбуждения. Ей нравилась такая жизнь, нравилось чувствовать себя причастной к каким-то тайнам, знакомиться с новыми людьми и ожидать, когда же, наконец, ее выберет маленькое беззащитное существо, которое сейчас даже не знает, какая чудесная хозяйка у него будет. Она уже присмотрела себе товарища среди этой копошащейся кучи слепых щенков, но еще не знала точно, чей маленький розовый язычок будет облизывать ее щеки. Светлые комочки с черными мордочками представляли в воображении, как только она закрывала глаза. Только бы не прогневать хозяйку, только бы не наболтать лишнего подружкам и противным взрослым, которые все время лезут со своими вопросами, только бы дождаться момента, когда к ней, неуклюже переваливаясь на толстых лапах, подбежит и уткнется холодным носиком в колени ее, только ее щенок. Теребя края платица, она молча ждала.

– Зилпа. Есть новое поручение, – обратилась к служанке Лия, управляемая сознанием Тарбит, – у тебя ведь есть по-

дружки среди обитателей постоянного двора? Или ты знаешь кого-нибудь недовольного жизнью там? Мне нужно знать, что необычное происходит на постоялом дворе. Может какие-то незнакомцы тайно посещают его, или посторонний шум доносится из пустого помещения. Ты понимаешь, о чем я? Молодец, я знала, кому можно доверить тайну. Особенно не выпытывай, не привлекай к себе внимания. Узнаешь у подружек – хорошо, нет – не страшно. К взрослым не подходи, ни к кому и ни в коем случае. Просто постарайся узнать, кто особенно недоволен хозяином. Мне это знать желательно, но совсем не обязательно.

Зилпа, ты мне дороже всех денег корчмаря, помни об этом. Поняла? Просто поболтай вечером с подружками. Я дам тебе немного фиников, орехов и фруктов, скажешь, что стащила, когда провожала меня в загон. Не красней, я все знаю и понимаю. Договорились? Вот и отлично. Расскажешь, когда вернешься. Беги.

Подошедшая Адина проводила взглядом убегающую служанку и вопросительно посмотрела на дочь.

– Мама, я попросила Зилпу узнать кое—что у подружек. Дай ей, пожалуйста немного сладостей, когда она побежит к ним. А мне пора. Не волнуйся, к вечеру вернусь. – и мысленно обратилась к подруге:

«Прощайся, и трогаемся к Гиваргису. Дорога, надеюсь, тебе известна».

Краткое мгновение, и вот уже Лия-Адат прижалась к ма-

тери, постояла и мягко отстранилась от нее. Они не в первый раз расставались ненадолго, но сейчас каждое прощание напоминало о предстоящем в городе судилище и было особенно тягостным.

Подхватив корзинку, Лия быстрым шагом направилась к домику Гиваргиса, справедливо рассудив, что пока отары на пастбище, делать у колодца особо нечего.

Так и оказалось. Ги́ла, оставившая щенков, повиливая хвостом—бубликом, первой бросилась встречать хозяйку. Мужчины, обернувшись на шум встречи, встали и начали готовить место для долгожданной гостьи. Казалось, прошло совсем немного времени с момента расставания, но все уже успели соскучиться и теперь радостно приветствовали друг друга. Обошлось без горячих объятий, их заменили приветливые улыбки, украсившие лица друзей. Опиравшийся на посох Чензира и стоящий с неподвижной левой рукой Гиваргис, чей ужасный шрам не мог испортить приподнятого выражения глаз, не вызывали у Лии чувства превосходства и отторжения. Она чувствовала, что попала в знакомую компанию, где ее любят и уважают. Когда все устроились, а Ги́ла, облизав хозяйку и посчитав свою миссию выполненной, удалилась, Лия обратилась к друзьям:

– Вы даже не представляете, как я рада вас видеть, – мужчины даже затеснялись, услышав такое начало разговора, – сначала о здоровье. Чензира, получай молоко, но выпьешь ты его не сейчас, а подогретым вечером. Свежий подорож-

ник и мазь в горшочке – полечишь рану. Сам справишься? Отлично. Гиваргис, покажи-ка мне зуб, да не стесняйся ты. Это шалфей, помнишь такую травку? Сейчас мы ее заварим, и будешь полоскать рот.

«Отлично, Адат, удобное время передать бразды правления мне. Ты поняла, о чем я. Слушай внимательно, если будет что-то неясное, скажи, будем переспрашивать».

– А сейчас то, что мне очень нужно в данный момент. – мужчины даже не заметили смены поведения девушки, – Мне нужно как можно подробнее знать о Харране и реке, которая через него протекает. И кто мне в этом поможет? Я знала, Гиваргис, что такой опытный воин, как ты, не может не знать всех подробностей об этом.

– Конечно, Лия, – начал Гиваргис, обрадованный возможностью помочь, – и Харран, и Белих мне прекрасно известны. Что именно тебя интересует? Город и дороги к нему? Река? Ты хочешь бежать отсюда?

– Почему я должна отсюда бежать, оставив друзей, которых только-только обрела? – удивилась Лия, – Ты уже слышал, не мог не слышать, о том, что будет происходить завтра в городе, и я не хочу оглядываться по сторонам, рассматривая его красоты. Мне нужно знать о месте, где будет происходить судилище, о Белихе, я думаю, именно на реке будет происходить испытание. Только коротко, если возникнут вопросы, я спрошу.

– Понятно. Я однажды, еще до прихода митаннийцев, сто-

ял в оцеплении при подобной проверке, – Гиваргис на мгновение задумался, не зная, с чего начать, – видел я немного, но наслышался...

– Извини, но об этом позже, – перебила Лия, – сейчас о городе.

– Харран расположен на невысокой возвышенности на правом берегу реки. Белиха, так она зовется, протекает с северо—востока на юго—запад и впадает в Евфрат. До него около трех дней пути.

Город обнесен высокими стенами из каменных или глинобитных блоков со сторожевыми башнями, вход в город возможен только через ворота. Их пять, по числу ведущих к городу караванных путей. Они постоянно охраняются стражниками и закрываются на ночь. Основные расположены на большом караванном пути – на севере, в сторону гор, и на юго—западе, по течению Белихи в сторону Евфрата. Возле этих ворот к основному тракту справа врезается дорога вдоль крепостных стен, ведущая к пристани. К ней можно выйти и через городскую крепость, но этот путь не для рыбаков и торговцев. Те идут в обход и на въезде в город платят плату или пошлину.

Харран – перекресток караванных дорог. И на этом перекрестке стоит храм бога Сина. Со своими службами, школами, жилищами жрецов занимает огромную территорию. Южнее, вплотную к нему, находится площадь перед городской управой. Эти строения тянутся по дальней от реки сто-

роне караванного пути, на другой стороне тракта, между ним и рекой – цитадель, где размещается наместник со своими приближенными и воинский отряд. Есть ворота в западном направлении, эта дорога ведет к нам.

Судить тебя будут, скорее всего, на площади перед городским управлением, – Гиваргис вопросительно посмотрел на Лию и продолжил, так и не дождавшись вопросов. – На нем собирается народ во время праздников, торжеств или по случаю оглашения важных указов. Это кратко о месте суда. Такое событие, как суд над колдуньей, вызовет большое стечение народа, особо не избалованного подобными зрелищами. Тебе придется несладко.

За строениями храма расположена базарная площадь с рядами лотков, лавочками, площадками, где торгуют крупным или живым товаром, в том числе и рабами. Базар отделен от управы всего лишь двумя рядами небольших зданий, можно считать – рядом. Городские кварталы окружают центр со всех сторон, примыкая к внутренним крепостным стенам. Тебя ждет казнь. Но, если судья не будет слишком суров, перед этим проведут испытание водой, так как ни в чем предосудительном ты до сих пор заподозрена не была, а обвинения основываются лишь на утверждениях Джераба. Думаю, тебя вывезут на середину реки и бросят в воду. Выберешься на берег – невиновна, но... – Гиваргис виновато посмотрел на девушку и умолк.

– Не горюй заранее, воин. Или ты не был в ситуации, когда

смерть проходила совсем рядом? – Лия была совсем не похожа на человека, пришедшего прощаться с друзьями, – Я примерно поняла, что меня будет окружать, теперь вопросы. Велика ли река, и каким образом меня доставят на середину ее, кто меня может сопровождать. Насколько быстрое течение, и что находится ниже места моего испытания. Есть ли рыбаки с сетями на реке.

– Подожди, подожди, не все сразу. Ширина реки локтей два раза по шестьдесят, пожалуй. Река описывает большую дугу, огибая городские стены. После этого она продолжает свой путь к Евфрату.

Ниже того места, где расположена пристань, тянется мелкая заводь, поросшая тростником. Чтобы добраться до нее, приходится выходить за стены города и двигаться по дороге, о которой я тебе уже рассказывал. Там гнездятся утки, и наместник запретил осушать ее. Любит поохотиться удовольствия ради, – поясняя, Гиваргис палкой начертил на земле длинную черту с ясно видной дугой излучины, указывал ею места, о которых рассказывал, – весной, в половодье, эта часть полностью уходит под воду, но сейчас там достаточно сухо. Топко, правда, но пробраться можно.

Тебя доставят на середину реки на плоте. Отправляться будете от причала, к которому пристают лодки, везущие товар по воде. Там соберутся все заинтересованные – наместник, жрец, голова управы, судья, писари. Короче, все, кто поместится и кого допустит стража.

На всем протяжении городских стен ловить рыбу сетями не разрешают, мешают лодкам. Течение? Я не знаю, как его измерять, не быстрое. Все?

– Сейчас я возьму палочку, и буду повторять сказанное тобой. Если ошибусь, перебивай и поправляй. – Лия провела еще одну черту на земле, – Правая черта – дальний от города берег, левая – ближний. Здесь пристань, на рисунке появился квадратик посередине дуги, за ним точка между берегами, – это место, куда прибудет плот. Пока правильно?

– Квадратик и точка ниже по реке. Я понял, как нужно рисовать. – Гиваргис толстой чертой обозначил городские стены, положил камешки на местах, где были ворота. Обозначил караванные пути. На юге линии дороги и берега реки почти сошлись. У одних из ворот обозначил пристань. Обвел границы болотца с тростником, и взглянул на слушательницу, – так понятно?

– Лучше всяких слов. – Лия указала две точки на схеме: одну – в месте стоянки плота, другую – на нижней границе заводи, – сколько между ними?

– Я думаю, тысячи две – две с половиной локтей, а течение... Я не знаю, как сказать, – неловко замялся говорящий.

– Не смущайся, сейчас выясним, – девичьи пальцы легли на запястье Гиваргиса, – я скажу тебе: «Оп», а потом через некоторое время: «Стоп», а ты прикинешь, сколько за это время может проплыть палка. Готов? «Оп», и через некоторое время: «Стоп».

– Пятнадцать—двадцать локтей, я думаю. И что? Ты узнала, что хотела?

– Конечно, сейчас я подумаю, погоди.

«Пусть восемь метров за десять секунд. И я проплыву за это время, ну пусть в одежде и под водой, примерно столько же. Нет, поменьше. Большие двадцати минут придется продержаться, если учесть неизбежную возню и всяческие неожиданности. Долго. Что делать будем? Копать глубже. И в какую сторону? Вниз... Точно, вниз по течению», – пронеслось в голове.

– Гиваргис, всего не предусмотритишь, но расскажи подробнее, как протекает река от пристани эти две тысячи локтей.

– Лия, может что-нибудь другое придумаем? Понял, не сердись. Почти сразу за пристанью, локтей через двести пятьдесят, река сворачивает направо и пристань с реки уже не видна. Еще примерно тысячу локтей, – Гиваргис заштриховал берег между рекой и крепостной стеной, – тянется болотце. За ним река сворачивает налево. Последняя тысяча, или около того, расстояние между тростником и дорогой. Помогло?

«Это резко меняет все дело. Три этапа – не один, – мысли мелькали одна за другой. – Первый, самый короткий, под водой, минуты три должно хватить, подальше от плота. Придется всплывать, глотнуть воздуха. Второй – просто плыть по течению к берегу, минут двенадцать, пусть пятнадцать. Ну все двадцать, должна выдержать».

– Еще как! Но сейчас я рассчитываю на твою помощь. – Лия говорила, опустив голову. Она боялась забыть нечто важное, что может помешать выполнению ее плана. – Слушай внимательно, все нужно сделать точно по моим указаниям.

Перевяжи щеку платком и возле колодца жалуйся на боль. Говори, что она снова вернулась к тебе, и нужно срочно добираться в город к лекарю. Выходи затемно, как только будет видна дорога. Ты должен быть в городе как можно раньше. Возьми эту мелочь, не кривись, бери. – протянула ему чешуйки. – Найми осла, чтобы было быстрее. В городе сразу иди к лекарю. Если он предложит вырвать зуб, не соглашайся. Дай еще чешуйку, пусть лечит, он знает как. Лекарь будет торопиться на площадь, не захочет работать. Жалуйся на боль и посули еще денег. Если лечение затянется, и ты услышишь, что на площади начался суд, все бросай, время дорого.

Когда закончишь с лекарем, выходи через южные ворота к реке. Будут спрашивать, почему выходишь не через западные ворота, скажи, что хочешь искупаться и потом сразу поедешь в поселок. Из города иди к окончанию болота, – протянула вещи и статуэтку, прихваченную из сундука Лавана. – Немного в глубине, в зарослях, припрячь сверток с платьем. Отметь это место, сломанным тростником, но так, чтобы не пришлось его долго искать. Ополоснись и уходи отсюда. Найди подходящий уголок для привала и устраивайся

отдыхать, но не теряй из виду тайник. Я появлюсь из реки. Не пугайся и не удивляйся. Переоденусь и пойду к дороге, потом в город.

Заберешь мокрые вещи, их ни в коем случае не должны видеть, и вернешься в поселок. В поселке скажешь, что всю ночь не спал от боли, устал от дороги в город, на площади было не протолкнуться от зевак, и ты решил возвращаться. Все запомнил, солдат? Завтра придется трудиться, как в походе или в бою. От тебя многое зависит для всех нас.

Закончив, Лия подняла голову. На нее уставились четыре изумленных глаза, горящие на лицах таких разных мужчин. «Ты кто?» – как единый выдох вырвалось из двух ртов.

Глава 4

– Я Лия, дочь Лавана, – мягкая улыбка озарила лицо девушки, морщины на лбу расправились. – Меня назвали своим другом два прекрасных мужчины и уверяли, что я полностью могу на них рассчитывать. Разве не так?

– Чензира, не знаю как ты, – Гиваргис не отрываясь смотрел на Лию, – но я не представляю, на что решиться. Вытянуться в струнку перед полководцем, ставящем задачу перед боем, или упасть на колени перед богиней.

– Оставайся самим собой, верным товарищем, – засмеялась Лия, – и все у нас получится. А сейчас торопись, солнце уже клонится к закату. Тебе пора к колодцу, а я должна еще кое—что проверить. Только ничего не забудь.

Признанный командир их маленького отряда проследила за тем, как Гиваргис с деланным усердием перевязывает щеку, делает страшную гримасу и отправляется к колодцу.

«Адат, все видела, все слышала? Прекрасно. Теперь твоя очередь управляться с Чензира. Понахальнее с ним, поразвязнее. Считай, что у тебя тренировка по отношениям с мужчинами. Ты отработываешь один из методов управления. Да что я тебе рассказываю, ты уже продемонстрировала свое умение. Я посмотрю со стороны, что получится».

– Теперь, когда одного бойца отправили на задание, –

Лия-Адат строго посмотрела на Чензиру, – займемся вторым. Все ли мои указания выполнял, солдат? Следил ли за раной, как я требовала?

– Всегда подчиняюсь воле богов и командиров, – опирающийся на посох Чензира принял игру, – все выполнил, как велела.

– Давай я скоренько посмотрю, что там творится, – самозванная лекарка уже усаживала больного и разбинтовывала рану, – заживает, конечно, но не так быстро, как хотелось бы. Сейчас обработаю, а ты следи и запоминай. Помнишь, как я делала мыльный раствор? Ничего сложного, делай и промывай утром и ближе к вечеру. Лучшие лекари для тебя сейчас – чистота и свежий воздух. Когда солнышко ласковое, держи рану открытой, а в полдень и ночью накладывай компресс и забинтовывай, – так, приговаривая, разобралась с лекарскими заботами. – А теперь скажи мне, Чензира, где те остатки платья, что ты использовал для защиты своей... Да —да, того самого места, когда добирался сюда на ослике. Где? Вижу.

Вижу, и плакать хочется. Мужчины, мужчины, как же можно так небрежно относиться к ценной вещи, которая мало того, что стоит денег, так и еще использовать можно. Сложно было сложить? Я понимаю, Гиваргису одной рукой тяжело, но ты-то... – Лия ворчала, рассматривая порванное платье и встряхивая его. – Ну и как его прикажешь надевать, а ведь придется.

Чензира, отвернись, я буду переодеваться. Если станет совсем невмоготу, можешь любоваться, но больше ни-ни. Будешь приставать, извини, вторую ногу перебью и прикажу Гиле никого к тебе не подпускать. Все вы, мужики, до женского тела добраться хотите, это боги так задумали. Вспомни сказания Египта и Вавилона, а будет мало, при случае спроси у Иакова, он тебе расскажет об Адаме и Еве.

Перестав обращать внимание на мужчину, который старался не смотреть в ее сторону, Лия поменяла одеяние. Руки были закрыты узкими длинными рукавами нижней рубашки, поверх которой было надето длинное, свободное платье с широкими рукавами до локтя и закругленной горловиной.

– Ну что, Адат, имеем, что и имеем, – дальнейший разговор двух сознаний не мог дойти до ушей изумленного зрителя. Так что, все последующее: все повороты, наклоны, приседания – вся эта беззвучная пантомима заставляла сомневаться в разумности актрисы. – Задача – этот балахон требуется снять под водой. Имей в виду, подол платья не распорот.

– Если мне не изменяет память, Тарбит, шла речь о том, что необходимо освободить ноги и есть два варианта: веревочками подтянуть подол до пояса, или разорвать до низу и сделать из платья плащ с рукавами. Нужно будет попробовать для дома так сделать. Удобно может получиться.

– Никаких новых моделей, еще этого не хватает. Давай начинать. Имей в виду, время ограничено. А веревочки? Мо-

жет, просто наклониться и поднять, – Чензире было продемонстрировано приседание и подъем с одновременным подтягиванием подола к поясу. – Ну и что с ним делать, чем крепить. Сделать дыру на поясе и заткнуть туда?

– Вереvoчкой. Хотя, где ее хранить? – Адат задумалась, – Если сделать веревочный пояс, есть опасность, что отберут. Считай, один способ попробовали. Переходим ко второму. Потом сравним и решим, – совершенно обалдевший Чензира наблюдал, как Лия бросает разорванные полы и сердито отряхивает юбку. – Что и как будем рвать?

– В любом случае, подиштую горловину придется надрезать. Шов мы не одолеем, сама попробуй. – Чензира, оставивший попытки понять хоть что-либо, уstraивался поудобнее и готовился сполна насладиться подаренным зрелищем. – Значит придется надрезать. Немного. Вопрос – где? Сбоку или посередине? Хотя, собственно, понятно, посередине проема. А потом – от горла вниз двумя руками. За один раз не получится разорвать от верха до самого низа, придется за два. Сначала до пояса, а потом уже до конца. Пробуем? Видишь, нож у очага, бери и надрезай.

Вольготно расположившийся Чензира уже спокойно наблюдал за событиями, разворачивающимися на его глазах. Вот Лия осматривается, скользая взглядом по сторонам, подходит и поднимает лежащий возле очага нож. Проверяет его остроту, быстро подносит к горлу... и делает короткое резкое движение. Чензира в отчаянии закрыл глаза: «Это конец.

Она безумна. Весть о предстоящей казни доконала ее», – проносилось в голове.

Он ожидал грохота падения тела, но его не было. Осторожно приоткрыл глаза. Лия стояла, прижав обе руки к горлу, и вдруг рванула их в стороны. «Точно, сошла с ума», – подтвердил самому себе Чензира, невольно любуясь вываливающимися через прореху платья чашами груди с ясно выделяющимися сосками, обтянутыми лишь тонкой тканью нижней сорочки. Вдруг, Лия нагнулась, перехватила руки и вторым резким движением разорвала платье до конца. Картина, представшая перед изумленным взором, была еще более непривычной и соблазнительной.

«Молчи, не дергайся. Сумасшедших нельзя пугать резкими движениями. Или это тех, кто ходит при лунном свете с закрытыми глазами? Все равно. Сиди спокойно, может еще и сорочку разорвет. А если на меня бросится? Я потом скажу, что сама захотела, – Чензира застыл, боясь шевельнуться, а перед ним неподвижно стояла Лия в разорванном на две половины платье. – А еще ругалась, что платье испортили. Пока к ней не попало, еще можно было использовать, а сейчас...».

– *Что скажешь, Тарбит, – диалог подруг снова продолжился, – в таком виде, пожалуй, можно двигаться под водой, только сорочка мешать будет.*

– *Все неплохо. Сорочка не проблема, – Тарбит отвечала задумчиво, обдумывая результаты эксперимента, – просто*

оденем те обрывки, что остались после использования юбки в качестве бинтов и тряпок, там осталась только верхняя часть, а она не мешает. Нижний шов тоже не является препятствием, можно согнуть колени и «выскользнуть» из платья. Получается, ноги освободили. И что? А то, что за Лией будет волочиться тяжеленный шлейф мокрой одежды, и в нем – «чемпионка заплыва на открытой воде»? Чемпионка, на всякий случай объясняю, значит победительница, первая. А первая потому, что единственная, больше желающих побарахтаться в воде не нашлось. Да уж...

– Значит, ни тот, ни другой вариант не подходит? Есть еще один вариант – раздеться перед тем, как тебя столкнут в воду? Но как ты себе это представляешь? Обреченная, стоящая на плоту, вдруг начинает через голову снимать с себя платье. Стражники рыдают от невозможности прикоснуться к девичьему телу, а судьи, очарованные неземной красотой, выносят оправдательный приговор.

– Адат, я поражена твоим чувством юмора. Неделию назад ни о чем подобном и думать не приходилось. Растешь, сестренка. Слушаю тебя, и представляю себя в родном дворе, разговаривающей с подругой. Но сейчас не об этом. В каждом из вариантов есть рациональное зерно, и проблема выглядит следующим образом: нужно в воде за ограниченное время избавиться от платья, но не потерять его. «Выскользнуть» – хорошее слово. Если платье затруднительно снять, непременно запутаемся, значит нужно вы-

скользнуть. Дай, я потренируюсь. Есть, принимаю тело на себя... Что нам нужно? Хоть как-то привести одежду в первозданный вид. Где бы пояс взять, хоть как-то полы скрепить? Этот обрывок годится.

Чензира, замерев и не решаясь шевельнуться, смотрел, как застывшая на несколько долгих минут девушка вдруг ожила, подхватила валяющуюся в стороне веревку и подпоясалась. Снова приняла позу неподвижно стоящей статуи, сжимающей у горла ворот платья в кулаках. Рывок рук в стороны, и выступающие соски прелестного бюста вновь заставляют мужчину напрячься. «Это она будет исполнять перед судьей? Вряд—ли позволят, скрутят, – с печально подумал Чензира, – а жаль». Лия, между тем, правой рукой сбросила платье с левого плеча и освободила одну руку. Аналогично была освобождена вторая рука, и лиф платья повис на веревочном поясе. Девушка, наклоняясь, двумя руками опустила платье до земли, не отпуская его, переступила, вышла из образовавшегося на земле круга и выпрямилась. Мужчина затаил дыхание, когда перед его взором, закрытая лишь тонкой тканью сорочки, поднялась фигура девушки, одна рука которой была победно поднята вверх, а вторая удерживала упавшее к ногам одеяние. «Точно. Богиня, – пронеслось в голове, – сиди, не дергайся, – приказал себе, – неизвестно, как прореагирует. Будь доволен, что разрешает лицезреть».

– Класс. Вот это, Адат, именно то, что нам требовалось, – голос Тарбит повеселел, – теперь выполнить то же

самое, только быстрее.

– И не один раз, подруга. Нужно, чтобы тело запомнило движения, сама говорила. И не мешает в конце повторить, задержав дыхание.

– Точно, ведь все будет происходить под водой. Я начинаю.

И вновь перед взором единственного зрителя, собака даже не соизволила выбраться из домика от своих малышей, развернулась репетиция предстоящего спектакля. Раз за разом прекрасные формы актрисы представляли перед глазами и вконец распалили фантазии молодого человека. Не в силах справиться с естественными позывами, он закрыл глаза.

– Эй, красавчик, просыпайся, – Чензира открыл глаза и увидел перед собой полностью одетую девушку. – Совсем ты еще слабенький, заснул прямо там, где пристроился.

– Я уже здоров, просто привиделось что-то, – засмутился: «Неужели все приснилось? Не может быть. Жалко, если так».

– Уже смеркается, Чензира, мне пора. Если Гиваргис уедет, дай мне знать. Подними шест с тряпкой так, чтобы издали было видно. Мне важно знать, что все идет, как договорились. Не забывай о Гиле. И о себе позаботиться не забудь, мечтатель. Нам еще понадобится твоя помощь.

Лия улыбнулась, помахала рукой на прощанье и заторопилась домой. Там, как оказалось, ее уже с нетерпением ожидали не только мать с отцом, но и два наемника, прислан-

ные не то для сопровождения, не то для охраны от толпы. Ее уже собирались разыскивать, ведь всем было известно, что в темноте Лия беспомощна. Облегченный шепоток пронесся по двору.

Только пришедшие с пастбища Иаков и Рахель, с облегчением избавившиеся от отары, не обратили особого внимания на Лию. То ли ночное зрелище жертвоприношения у куста не произвело должного впечатления на новоявленного родственника, с недоверием относившегося к местным богам, то ли вспыхнувшая страсть к Рахели не позволяла думать ни о чем другом, но влюбленные даже не ощущали общего напряжения. Складывалось впечатление, что они существуют в другом мире, мире их грез и желаний. Иаков все рассказывал и рассказывал о всемогуществе Всевышнего, о мудрости деда и отца, о красотах бесконечных пастбищ Ханаана, а Рахель с затаенным дыханием внимала ему, находя отраду в сладком голосе любимого и не особо вникая в смысл произносимого. Лишь бы не прерывался поток красноречия, лишь бы вновь не оказаться в одиночестве среди этого блестящего стада надоевших овец.

«Адат, потерпи немного. Я переговорю с Лаваном», – Лия-Тарбит, сделав приветственный знак матери, подошла к отцу. Остановилась в покорной позе, готовая выслушать любое указание. Лаван, поколебавшись, он до сих пор не решил, как же теперь обращаться к дочери, произнес:

– Завтра утром мы отправляемся в город. После первой

стражи нам велено быть на главной площади. Придется выходить до рассвета, чтобы идти, не особо торопясь, и успеть к назначенному времени. Табличку с жалобой я составил. Надеюсь, не зря деньги потратил, – старик пристально посмотрел на согбенную фигуру перед собой, но не обнаружил даже намека на утреннюю собеседницу.

«Значит, до города часа четыре пешего хода. Устанем», – подумала Лия.

– Отец, сказанное тобой – приказ для меня. Но зачем эти наемники? Что они собираются делать? Ведь мою свободу не ограничили?

– Их нанял Марон, корчмарь, боится, что ты скроешься, и он с сынком останутся без наших денег. Эти наемники наша охрана и наша защита.

– Пусть охраняют, отец, – Лия покорно стояла перед отцом, – но после столь утомительного путешествия я сомневаюсь, что смогу достойно вести себя перед судьей. Джераб с отцом тоже выходят завтра?

– Нет, они уже на месте. Приведи себя в порядок и приходи в дом.

– Отец, я не смогу идти в Харран пешком. Если этот богатей смог позволить себе нанять наемников, пусть нанимает верблюдов.

– Лия, если мы завтра добровольно не явимся на площадь, тебя пригонят босую и связанную. Ты этого хочешь?

– У нас есть ослик, есть ослица Иакова. Давай отправимся

на них. В конце концов, можно нанять осла в деревне.

Лаван посмотрел на дочь, молча повернулся и отправился в дом.

«Адат, забирай управление. Лие нужно наконец-то смыть с себя всю эту мерзкую грязь прошедших дней. А потом поужинаем и спать, спать, спать. Какое это будет блаженство – наконец-то оказаться в родной постели». – Тарбит нырнула в знакомую извилину.

Совсем стемнело, когда все собрались в столовой. Ужин прошел так, будто ничего особого не происходило. Отец поглощал еду, не замечая ее вкуса. Он полностью ушел в свои мысли и, не находя выхода из создавшегося положения, с тоской подсчитывал предстоящие убытки. Адина не столько ела, сколько следила за старшей дочерью, подкладывала ей лучшие куски, поправляла светильник, пытаясь помочь слабым глазам Лии. Иаков и Рахель были заняты только собой, а поскольку поговорить за столом не удавалось, вспоминали события прошедшего дня и мечтали о следующем.

Вечер за столом особо не затянулся. Лаван, едва покончив с незамысловатой едой, направился в свою заветную комнату, Рахель с Иаковым шмыгнули во двор, а Адина проводила дочь в ее спальню. Хотела было последовать за ней и поговорить о завтрашнем дне, но была мягко остановлена. Со вздохом передав миску с приготовленным по просьбе дочери настоем из листьев очанки, отправилась к себе. В доме все утихло.

– Тарбит, наконец-то мы добрались до нее, – прозвучало в ушах девушки, – такой знакомой и родной постели. Не нужно ничего опасаться, можно лечь на спину, вытянуться в полный рост, раскинуть руки и ноги и расслабиться. Или свернуться клубочком и почувствовать себя маленькой девочкой. А какая подушечка мягенькая, удобненькая, не нужно ворочаться на этих противных рваных циновках. Ты что молчишь, подруга?

– К сожалению, Адат, не могу разделить с тобой радость, я впервые ощущаю себя в этой постели. Пока не могу назвать ее ни знакомой, ни тем более родной. Да, удобно, вероятно даже уютно, но мне предстоит еще привыкнуть к ней, чтобы ощутить то, что приводит тебя в такой восторг. Не расстраивайся. У нас все замечательно, а следовательно, Лия прекрасно отдохнет перед представлением, которое завтра мы продемонстрируем изумленной публике. Но о делах ни слова, да и болтать ни о чем желания нет. Просто лежать и наслаждаться покоем.

– Полностью согласна, отдыхаем. – и через минуту—другую, – Но только не сейчас. Кто может царапаться в дверь в это время? Если наши новые знакомые не пришли навестить нас, то только Зилпа. Я поговорю с ней. Отдыхай, если не в постели, то в своей любимой извилине.

Лия привстала на постели, придерживая на глазах тряпицу с лечебным компрессом:

– Заходи, Зилпа. Удалось узнать интересное? Нет? Ну

и не страшно, в следующий раз. А сейчас слушай, – инструктировала Лия, – завтра, еще до нашего ухода, сбегай к дому Гиваргиса. Если издали увидишь шест с тряпкой, сразу возвращайся. Перехватишь по дороге и дашь мне знать. Это очень важно, запомни, очень. Ну давай девчонка, до завтра.

Ночь прошла необычно быстро, будто всем не терпелось понаблюдать за интересным зрелищем. Солнце еще не показалось над горизонтом, ослы своим скрипучим криком не возвестили начало нового дня, а Адина уже будила дочь:

– Вставай, дочка, пора собираться. Скоро светает. Чему суждено случиться – исполнится. Такова воля богов.

– Но еще совсем темно, и я совсем ничего не вижу. Да и куда нам торопиться. – Лия ворочалась в постели и не выражала никакого желания покидать ее, – в Харране что, женихов сегодня раздают? Так на мою долю все равно не хватит. Без нас там все равно не начнут.

– Ты еще способна шутить в такой день? Неужели тебе не страшно?

– Чего я должна бояться, мама. Я не сделала ничего дурного, – отвечала Лия-Тарбит, которой сегодня предстояло нелегкое испытание, – это подлый Джераб со своим папашей хотят обесчестить меня. Так почему я, напрасно оболганная, должна бояться?

– Все правильно, Лия, – в голосе матери послышались слезы, – но на их стороне наместник, да и страшное обвинение предъявлено тебе. Ни судья, ни жрецы не захотят быть об-

виненными в связях с колдуньей. Сегодня все против тебя. Даже жадная до зрелищ толпа будет рада увидеть судилище над тобой, вряд ли можно рассчитывать на ее поддержку.

– Тем более, нет смысла торопиться. Мама, не плачь, еще ничего не произошло. А толпа? Что толпа? Ее настроение изменчиво. Кто знает, как все повернется, когда люди узнают правду? Ты приготовила все, что я просила?

– Все готово, дочка. Солнце вот—вот выглянет. Я помогу тебе одеться.

– Подожди. С платьем понятно, оно у меня единственное осталось, так что выбирать не из чего. А вот вместо нижней сорочки мне нужны те остатки, что я просила постирать. Они готовы? Их и надену. Не волнуйся, уже встаю, а так хочется еще немного поваляться.

– Да, но зачем они тебе? Ты всегда была такой бережливой, и вдруг хочешь оставить целую сорочку здесь? Не волнуйся, дочка. Сегодня все будет так, как ты скажешь. Как я тут... – голос Адины задрожал.

Лия поднялась и, когда мать торопливо вышла из комнаты, хорошенько размялась. Сегодня тело не должно было ее подвести, а что предстоит сделать, ему подскажут. *«Адат, проснулась? – Тарбит обратилась к напарнице, – сегодня моя очередь поработать за нас троих. Лия, Адат, Тарбит – великолепная троица. Внимательно следи за всем. Предупредишь, если я не замечу чего-нибудь важного, как тогда, на дороге. Не трусь. Боги с нами».*

Все имеет свойство заканчиваться. Вот и сейчас, как Лия не старалась оттянуть время выезда, предоставляя Гиваргису время выполнить все порученное, два осла, на которых восседали Лаван и Лия, сопровождаемые слугой и наемниками, двинулись в путь. Лавану, как он не поторапливал дочь, не удалось выехать затемно. Десятки любопытных глаз провожали процессию. Увидев возле дороги Зилпу, утвердительно кивнувшую при взгляде на нее, Лия облегченно вздохнула, Гиваргис уже приближается к Харрану.

«Адат, ничего не забыли? – Тарбит начала перечислять. Кусочки серебра в мешочках, кулон из звена цепи на шее, довольные наемники, получившие по лепешке с куском сыра на дорогу, недовольный Лаван, прихвативший табличку с жалобой и немного денег. Кажется, ничего не забыли? Отлично. Теперь не торопитесь. Жаль, сорочка короткая, платье попу натирает. Ничего, станет невмоготу – пройдемся».

Неспешно, с остановками, которые выводили Лавана из себя, а раба, взятого с собой для присмотра за животной, заставляли ухмыляться, добрались до ворот Харрана.

Лия решила в городе идти пешком и слезла с седла. Тело затекло и настоятельно требовало движений. Мелко перебирая ногами, время от времени приседая, как бы от усталости, передвигаясь на полусогнутых ногах, двигаясь на цыпочках, поворачиваясь всем телом, разглядывая дома и прохожих, девушка незаметно размяла мышцы. Прохожие при этом ви-

дели перед собой нелепое существо, размахивающее руками в попытке не упасть, споткнувшись о камень. Недоуменно переглядывались, перешептывались, скрещивали указательный и средний пальцы, но безропотно уступали дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.